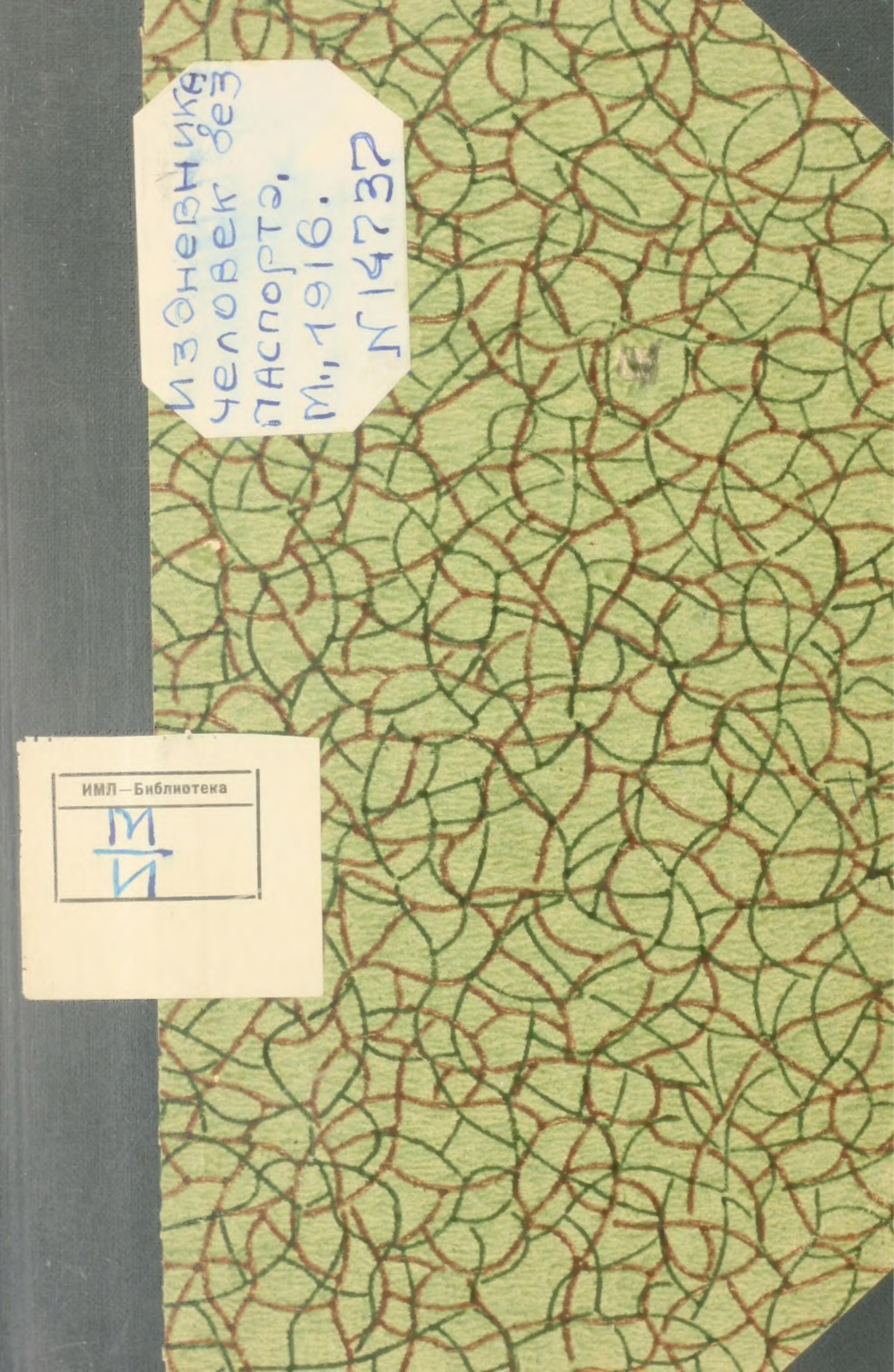

Из дневника человека без паспорта. М., 1916. №14737
ИМЛ—Библиотека
М
И

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 64.

П. Р—ъ.

Изъ дневника человѣка безъ паспорта.

Цѣна 8 коп

Изданiе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1916.

„Родная Рѣчь"

1. Л. Толстой, Три смерти. — Чѣмъ люди живы . . . . 6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ. — Бирюкъ . . . . . 6 к.
3. В. Короленко, Чудная — Пріемышъ. — Огоньки . . 6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый . . . . 8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. разсказы . . . 6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація. — „На второмъ путѣ" — „Подлый, хитрый народъ" . . . . . 6 к.
8. М. Горькій, Проходимецъ—Легенда о Марко . . . . 6 к.
9. С. Мечъ, Германія . . . . 8 к.
10. Скиталецъ, Полевой судъ . . . . 3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму—Деревня . . . . 6 к.
12. С. Князьковъ, 19-е Февраля 1861 года . . . . 6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно . . . . 6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи . . 6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ. — Пѣсня о Буревѣстникѣ 8 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ . . . . 6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный — По рубрикамъ. — Первая „бомба" . . . . 6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . . . . 8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образованія . . . . 6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія" . . 6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ . . . . 6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія . . . . 6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе—Бредъ . . . . 6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали . . . . 6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ . . . . 6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи . . . . 6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное имѣстo — Страховка — Властители . . . . 6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца — П. Рыссъ, Парижскіе силуэты 8 к.
29. С. Подьячевъ, Разладъ. . . . . 8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 8 к.
31. Э. Льенъ, Очерки французской культуры . . . . . 8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пиляй. — Дѣло съ застежками. — „Выводъ" . . . . 6 к.
33. С. Князьковъ, Голодъ въ древней Россіи . . . . . 6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ. — Къ спѣху. — Объ одномъ городѣ . . . . 6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война . . 6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ . . . . . . 6 к.
37. И. Бунинъ, Черноземъ . . . . 3 к.
38. Е. Угени, Объ англичанахъ . . . . 8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства . . . . 3 к.
40. И. Тургеневъ, Ася. . . . . 8 к.
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Пруссіи. . . . . 6 к.
42. В. Дмитріева, Непримиримые . . . . 8 к.
43. И Ястро, Богатство Англіи и его источники . . . 6 к.
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. разсказы . . . . 6 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ 8 к.
46. Г. Успенскій, Будка . . . . 6 к.

П. Р—ъ.

Изъ дневника человѣка безъ паспорта.

I.

...Паспортъ „провалился". Другой, „настоящій", достать было нельзя, а тутъ еще „разныя соображенія"... Короче говоря, уѣхать за границу было необходимо. Но какъ переправиться? „Переходить" съ женой было неудобно и довольно рискованно; было рѣшено сдѣлать попытку раздобыть губернаторскій паспортъ. А время не ждало, оставаться въ Петербургѣ было опасно. Въ часъ времени уложили вещи и тронулись въ Москву. Тамъ пробыли свыше недѣли, выслушали не одинъ добрый совѣтъ, но паспорта никто не далъ. Кто говорилъ:—„ѣзжайте въ Петербургъ", кто рекомендовалъ, „пока суть да дѣло", Финляндію, а нѣкто посовѣтывалъ прямо ѣхать на границу и тамъ найти за деньги „паспортъ и человѣка"... Всѣ эти разговоры, въ связи съ ночевками сегодня въ Сокольникахъ, а завтра въ Замоскворѣчьи, такъ опротивѣли, что въ одинъ довольно скверный вечеръ мы ѣхали въ губернскій городъ Т., гдѣ, въ надеждѣ на старыхъ знакомыхъ, думали раздобыться паспортомъ. Увы! то лицо, о которомъ мы думали, сидѣло въ тюрьмѣ, городъ былъ охваченъ ужасомъ и трепеталъ передъ губернаторомъ, знакомые разводили руками, соболѣзновали, вздыхали и въ одинъ голосъ рекомендовали отправиться

въ К., котораго не миновать большинству уѣзжающихъ за границу безъ паспорта.

Въ К., отыскавъ нужныхъ людей, мы, къ ужасу своему, услышали: „Наши личныя связи на границѣ провалены, вамъ придется ѣхать въ Б.“ — А до Б. — пятнадцать часовъ ѣзды, городъ далекъ отъ границы, переполненъ жандармами и шпіонами. Однако, дѣлать нечего, надо ѣхать въ Б.!

Въ вагонѣ было душно, какой-то старикъ разсказывалъ о подвигахъ стражниковъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи кричалъ ребенокъ, и сердитымъ голосомъ мать цыкала:

— Буде, буде, цыть! —

На промежуточной станціи въ вагонъ ввалился пьяный парень и до самаго Б. похвалялся своимъ участіемъ въ одесскомъ погромѣ:

— Ужъ мы лупили! А они: „Вей, вей!“—умора...— А потомъ, молодцовато заломивъ картузъ, начиналъ пѣть на весь вагонъ:

„Отца я зарѣзалъ,
Мать свою убилъ“...

Далѣе слѣдовали столь непристойныя дѣянія героя пѣсни, что знать о нихъ слѣдуетъ только прокурорскому надзору.

Часовъ въ шесть утра мы были въ Б., отыскали нужное лицо, и это послѣднее доставило насъ къ „товарищу Герасиму“. Тотъ вызвалъ товарища Моисея, и началось обсужденіе вопроса, черезъ какую границу насъ отправить. Большой, костлявый, съ горящими глазами, Моисей немилосердно размахивалъ руками, доказывая, что „его“ граница — наилучшая; а когда Моисей кончалъ, Герасимъ холодно добавлялъ:

— И еще есть граница: на Х.

Тогда Моисей запускалъ въ черную бороду свою пятерню и нервничалъ:

— На Х. Спасибо за добрый совѣтъ... А если арестуютъ?... Отправить людей прямо къ жандармамъ!... Скажите мнѣ, Герасимъ, гдѣ у васъ умъ?... Вѣдь у васъ есть голова?

— Посмотрите.

— Голова?!... Какъ же, если у васъ голова, давать глупые совѣты?...

Наскучивъ споромъ, конца которому не предвидѣлось, мы попросили дать любую границу...

— Итакъ, вотъ граница. Поѣзжайте въ городъ П., отыщите Арона...

— Какъ въ П.? А вамъ неизвѣстно?...

Герасимъ холодно улыбнулся и сталъ наставлять:

— Граница извѣстна только тѣмъ, кто живетъ около нея и завѣдываетъ этой частью. Поэтому вамъ надо ѣхать въ П.

Посмотрѣли на карту—и всплеснули руками: приходится ѣхать обратно часовъ пять, а потомъ сворачивать въ сторону по направленію къ границѣ. А главное, насъ охватила боязнь, что въ П. скажутъ:—Поѣзжайте въ Х., У., Z

Путешествіе уже длится три недѣли, деньги на исходѣ, нервы напряжены до крайности... Подходящій поѣздъ шелъ въ одиннадцать часовъ вечера. Изъ квартиры надо уходить (она была конспиративной), до отхода поѣзда оставалось еще десять часовъ. Мы пошли бродить по пыльнымъ улицамъ города. Ходили часъ, другой, устали... Дѣваться некуда: городишко маленькій, ресторановъ, гдѣ можно просидѣть нѣсколько часовъ, не водится... Въ свою очередь, и хожденіе небезопасно, въ городишкѣ знаютъ другъ друга, каждый новый человѣкъ замѣтенъ, по улицамъ снуютъ подозрительные люди въ выцвѣтшихъ пальто... Мы сѣли въ конку и поѣхали. Жалкая кляча тащила грязный дребезжащій вагонъ, онъ подпрыгивалъ и трещалъ. Черномазый парень стоялъ на передней площадкѣ, энергически плевалъ на

крупъ лошади и адски хлесталъ клячу, сопровождая дѣйствія соотвѣтствующими восклицаніями, въ родѣ: „чтобъ тебя разобрало“, „чтобъ ты треснула“. Пассажиры попроще вскакивали въ конку на ходу, а господа въ котелкакъ или дамы въ шляпахъ издали останавливали вагонъ и торжественно входили въ него.

Такъ проѣхали мы городъ изъ конца въ конецъ одинъ разъ; не сходя съ конки, поѣхали обратно... Было только три часа сорокъ минутъ; мы считали время по минутамъ, и каждая минута казалась часомъ. Оставалось еще свыше шести часовъ до отъѣзда на вокзалъ. Какъ ихъ убить?...

И опять мы пошли бродить, шатались добрый часъ... Надъ однимъ изъ грязныхъ домовъ вывѣска гласила: „Гостиница для пріѣзжающихъ и ресторанъ. Отдѣльные кабинеты“. Зашли въ ресторанъ, пропитанный запахомъ жаренаго лука и кислаго пива. Развязный молодой человѣкъ въ черномъ отъ грязи воротничкѣ принесъ два обѣда... Мы ѣли долго, мрачно, жуя твердые куски мяса... Потомъ я пилъ пиво, горькое, бившее въ носъ, похожее по вкусу на лимонный сокъ.

Зашелъ кучеръ-еврей, выпилъ рюмку водки, появился продавецъ папиросъ, „самыхъ лучшихъ, ихъ куритъ самъ Бронштейнъ“, вѣроятно, мѣстный Крезъ... Я мрачно цѣдилъ отвратительное пиво... А время шло такъ убійственно медленно... Просунулась въ двери физіономія съ острыми усиками, оглядѣла залъ, и сейчасъ же за этимъ показалась фигура типичнаго шпика: начиная съ выцвѣтшаго котелка, ярко-желтаго галстуха и кончая запыленными сапогами — все указывало на профессію этого человѣка, державшагося съ видомъ рантье, вышедшаго подышать свѣжимъ воздухомъ.

Мы расплатились и вышли. Было шесть часовъ, и на „главной“ улицѣ зажигали уже фонари. Ихъ тусклый свѣтъ совершенно терялся въ облакахъ пыли, поднимавшихся каждой проѣзжавшей пролеткой; пыль

осѣдала на легкія и душила. Изъ грязныхъ домовъ вылѣзали семьи, усаживались на ступенькахъ, поѣдали свой ужинъ и бесѣдовали... Свернули въ другую улицу третью: все та же картина бѣдности и грязи... Клонило ко сну, тѣло ныло отъ усталости, въ горлѣ першило. Ѣхать на вокзалъ, сидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда на виду у жандармовъ, полицейскихъ и шпиковъ было бы неосторожно... Влѣзли въ вагонъ конки и поѣхали; затѣмъ были въ какомъ-то „кафе", пили очень долго, вышли въ девятомъ часу и опять пошли наслаждаться пылью.

Городъ уже готовился ко сну. Гремѣли засовы у дверей и оконъ лавокъ, съ улицъ уносили табуреты, не видно было копошащихся въ мусорѣ дѣтей... Откуда-то несся густой лай цѣпного пса, а ему вторили десятки дискантовъ, теноровъ, баритоновъ...

На вокзалъ мы пріѣхали въ началѣ десятаго часа. Носильщикъ любезно сообщилъ, что поѣздъ запоздалъ на полтора часа, такъ что отойдетъ не ранѣе часа. „Зало I и II класса" было заперто, а въ третьемъ классѣ стоялъ такой ароматъ, что человѣку съ обоняніемъ войти туда было бы геройствомъ. Мы вышли на платформу и стали прохаживаться... Но усталость взяла свое: жена усѣлась на телѣжку, въ которой носильщики возятъ тяжести, а я продолжалъ все ходить, глядя на небо, черное, покрытое яркими звѣздами.

Душный день смѣнился свѣжимъ вечеромъ, съ поля потянуло холодомъ. Мы зашли въ багажное отдѣленіе и усѣлись на ящикъ. Дежурный помощникъ начальника станціи шутилъ съ молодой особой, одѣтой весьма откровенно, съ подведенными бровями и губами; носильщики бесѣдовали на тему о причинахъ запозданія поѣзда... Наконецъ, около одиннадцати часовъ „зало" открыли; мы заняли два дивана и моментально заснули.

Меня разбудилъ какой-то крикъ, словно надъ самымъ ухомъ рота солдатъ крикнула: „Рады стараться"...

Вскочивъ, какъ ужаленный, я долго протиралъ глаза, стараясь припомнить, гдѣ нахожусь.

— Въ Б., — проносилось въ головѣ... — Тогда что это за женщина? И къ чему батарея бутылокъ?...

Признаться, картина была нѣсколько необычная. За столомъ сидѣло нѣсколько субъектовъ съ бритыми физіономіями, двѣ полуобнаженныя дамы и маленькій старичокъ, ерзавшій на стулѣ и закручивавшій все время усы кверху. Бритые господа съ чисто волчьимъ аппетитомъ пили и ѣли, дамы поминутно взвизгивали, а сѣденькій старичокъ, стараясь говорить басомъ, кричалъ:

— Человѣкъ, бутылку коньяку! Человѣкъ, бутылку лафиту!...

Старый еврей съ большимъ чемоданомъ въ одной рукѣ и съ подушкой, которую онъ держалъ за кончикъ — въ другой, подошелъ къ намъ и, презрительно качая головой, сталъ возмущаться:

— Актерщики... Гуляютъ себѣ... Нашли себѣ дурака, онъ ихъ угощаетъ.

Сѣденькій старичокъ сорвался съ мѣста и бросился къ выходу. Актеры и актрисы набросились на напитки и быстро поглотили все содержимое бутылокъ. Вернулся старичокъ съ букетомъ цвѣтовъ и поднесъ его одной изъ дамъ. Подали шампанское; бритая физіономія цѣловала провинціальнаго мецената, старичокъ лобызалъ артистокъ, а старый еврей плевалъ на полъ, сапогомъ растиралъ плевокъ и, наклонившись ко мнѣ, бормоталъ:

— Ну, какъ вамъ нравится этотъ старый босовикъ? Онъ считаетъ себя за молодого... Тоже кавалеръ, чтобы ему пропасть!...

Къ компаніи подсѣлъ пѣхотный офицеръ. Онъ глядѣлъ по сторонамъ, какъ волкъ, и, держа старичка за руку, сипѣлъ:

— Въ прошломъ году, за этимъ самымъ столомъ... Отлично помню—за этимъ самымъ столомъ... Отлично помню — за этимъ столомъ мы сидѣли втроемъ: я, Померанцевъ и нашъ адъютантъ... Вотъ, значитъ...

Офицеръ бралъ рюмку, произносилъ неизмѣнное: „Будемъ здоровы!“ и, выпивъ, начиналъ сызнова:

— Въ прошломъ году... Вотъ тутъ сидѣлъ Померанцевъ, вотъ тутъ, гдѣ ты сидишь... Ну, такъ вотъ тутъ, гдѣ ты сидишь... Ну, такъ вотъ тутъ я, значитъ, сидѣлъ, а адъютантъ сидѣлъ... Втроемъ сидѣли, помню... Ну, такъ вотъ—сидимъ... Будемъ здоровы...

Наконецъ, свистя и шипя, къ станціи подошелъ поѣздъ, и давно небритый, заспанный малый влѣзъ въ „зало“ и провозгласилъ:

— Первый дзвонокъ на Казятинъ, Волочискъ... Поѣздъ на первому пути.

Второй звонокъ, третій, и мы понеслись. Какъ на бѣду, артисты оказались въ одномъ вагонѣ съ нами, и къ духотѣ прибавились скабрезные разговоры.

Старый интендантскій чиновникъ представился артисткѣ: онъ служилъ въ Варшавѣ и ѣхалъ куда-то „отдохнуть“. И артистка знала Варшаву, гдѣ служила когда-то въ шантанѣ. Интендантъ называлъ актрису „мамочкой“, она его—„папашкой“; нашлись общіе знакомые среди офицеровъ, оказалось — дѣвица хорошо знакома съ сыномъ интенданта...

— А, такъ Володька сынъ вашъ?... Очень рада... Прекрасный парень! Еще бы не знать Володьки!...

До Казатина, гдѣ намъ была пересадка, мы ѣхали въ атмосферѣ той грязи, тѣхъ скабрезностей, которыя возможны только въ бесѣдѣ интенданта и шансонетной пѣвички.

А въ 9 часовъ утра мы пріѣхали въ П.

II.

Городокъ утопалъ въ зелени. Съ двухъ сторонъ широкимъ полукругомъ его охватывалъ вѣковой лѣсъ, а съ двухъ другихъ—прихотливо извиваясь, тихо плыла широкая рѣка. А за рѣкой опять, насколько хваталъ глазъ, тянулся лѣсъ. Казалось, городъ умираетъ въ желѣзныхъ объятіяхъ лѣса, высокаго и крѣпкаго.

Вокзалъ находится въ трехъ верстахъ отъ города. Насъ окружили извозчики, предлагавшіе отвезти; одинъ просилъ полтинникъ, другой—сорокъ копеекъ, третій—двадцать пять; это былъ аукціонъ труда, на которомъ сбавляли цѣну по копейкамъ. Видно было, что люди задыхались въ этомъ городишкѣ, рвали другъ у друга хлѣбъ изо рта, давили одинъ другого и бились въ тискахъ нужды,—типичное мѣсто черты осѣдлости.

Мы выбрали бѣднѣйшаго на видъ возницу и тронулись въ городъ; лошадь спотыкалась, съ трудомъ перебирая ногами, тяжело дышала и фыркала. Съ полчаса длилось путешествіе. На базарѣ мы слѣзли и отправились отыскивать Арона.

Базаръ шумѣлъ и волновался. Большіе, крѣпкіе малороссы стояли у возовъ и продавали съ очень озабоченнымъ видомъ сѣно, яйца, куръ, яблоки, вишни и бычковъ. Между возовъ, покупая и продавая, суетились евреи. У дверей лавокъ стояли торговцы и на весь базаръ выкрикивали качества своихъ товаровъ, лучше которыхъ не найти въ самомъ Кіевѣ. Въ памяти моей запечатлѣлась нервная фигура съ длинными пейсами; еврей сидѣлъ на землѣ, предъ нимъ лежало три пары сапогъ; пронзительно-громко онъ выкрикивалъ:

— Чоботы, чоботы!... Ой, папочку, добрі чоботы!..

„Гостиницу“, вѣрнѣе—постоялый дворъ, мы разыскали быстро. Ворота были открыты настежъ, и мы вошли въ грязный, покрытый навозомъ, дворъ. Прошли

его до конца, свернули налѣво и по узкой деревянной лѣстницѣ, жалобно скрипѣвшей, покрытой навозомъ, взобрались на второй этажъ, гдѣ жилъ Аронъ, къ которому насъ послали. Мы вошли въ переднюю, и атмосфера ужасающей бѣдности охватила насъ сразу. Старая еврейка (передняя служила кухней) стояла у печи и что-то стряпала. Двое ребятъ ползали по полу, подбирали крошки хлѣба и съ жадностью поѣдали ихъ. За передней шла большая комната; у одной стѣны ея, подлѣ оконъ, находилось три швейныхъ машины, другую половину комнаты занимали двуспальная кровать и дѣтская „люлька“, въ которой качался грудной ребенокъ.

На вопросъ, здѣсь ли живетъ портной Аронъ, старуха отвѣтила:

— Ну да, здѣсь, навѣрно спитъ еще баринъ вашъ. Идите вонъ въ ту комнату, — и она указала на противоположную стѣну, въ которой чернѣлось отверстіе, мало похожее на дверь. Мы постучали. Вышла молодая дѣвушка, справилась, кто намъ нуженъ, и исчезла за завѣтной дверью. Скоро дѣвица вышла обратно и попросила обождать нѣсколько минутъ, пока Аронъ одѣнется.

— Откуда вы ѣдете, и кто послалъ васъ?...

Мы сказали, что ѣдемъ изъ Б., и нужна граница.

Ага, сейчасъ...

— Войдите,—раздался за дверью звонкій, не окрѣпшій еще, юношескій голосъ.—Извините, что заставилъ васъ ждать.

Удивительно характерна по обстановкѣ своей была эта маленькая комната въ далекомъ, маленькомъ городкѣ. Средину комнаты занималъ круглый обѣденный столъ, покрытый скатертью. Небольшой письменный столъ на трехъ ножкахъ уныло прислонился къ стѣнѣ. На столѣ въ безпорядкѣ были навалены брошюры, книги, газеты, какія-то тетради. Тутъ же на столѣ стояли портреты

молодыхъ людей и дѣвицъ, вѣроятно, товарищей Арона. А со стѣнъ, глядя на нищету, старавшуюся имѣть приличный видъ, глядѣли Марксъ, Бебель, Горькій и старый генералъ, мнѣ неизвѣстный.

Передъ нами стоялъ высокій, худой юноша, съ только начавшими пробиваться усиками. Желтое лицо было покрыто морщинами; кривой носъ свѣшивался внизъ, большіе уши расходились въ стороны. Этотъ больной сынъ гетто былъ бы безобразенъ, если бъ не красивые, одухотворенные глаза, придававшіе Арону специфическую красоту евреевъ-мечтателей.

Онъ говорилъ по-русски плохо, путался, заикался, но говорилъ страстно, съ горячей вѣрой.

Юноша радъ былъ видѣть свѣжихъ людей, которые поймутъ его, которымъ онъ можетъ разсказать все то, что такъ наболѣло и ищетъ выхода.

— Вы извините, что я васъ задержалъ. Я легъ спать въ два часа ночи. Вчера у насъ было совѣщаніе съ хозяевами... Просили прекратить стачку... У насъ стачка портныхъ... Мы требуемъ, чтобы намъ набавили 10% на расцѣнку...

Онъ говорилъ, повышая голосъ съ каждой фразой, и его слова падали, какъ тяжелые камни, и своей страшной простотой били по головѣ.

За работу костюма портные П. получаютъ четыре рубля; больше тридцати рублей, имѣя мальчика-помощника, заработать никакъ нельзя.

— А жизнь такъ дорога, такъ дорога...

— Да вотъ комната, — говорила дѣвица; она портниха, работаетъ съ шести до восьми.—Вы видите, какіе у меня красивые глаза (она показала на воспаленные, безъ рѣсницъ, глаза), я считаюсь одной изъ первыхъ портнихъ, а больше пятнадцати рублей выработать не могу... Скажите, какъ же жить?... Комната—8 рублей, это скверная вонючая комната... Отъ грязи здѣсь

милліоны клоповъ, ихъ никакъ нельзя вывести... Внизу кабакъ, напротивъ кабакъ...

Я выглянулъ въ окно: на противоположномъ домѣ висѣла желтая вывѣска: „Трактиръ Не унывай".

— Стоитъ шумъ, дерутся... Цѣлую ночь иногда не спишь отъ этого крика, а утромъ идешь на работу, и кажется, голова набита землей, такая она тяжелая... И за это—восемь рублей... вы поймите—во-о-семь рублей!... Теперь дальше: обѣдъ стоитъ двѣнадцать рублей... Когда я жила въ Кіевѣ, я ѣла вкусные обѣды по двадцати копеекъ... И много, много давали...

И она закрыла глаза отъ пріятныхъ воспоминаній.

— А тутъ!... Такъ нельзя жить! Вы знаете, какъ мы живемъ?... Эту комнату мы снимаемъ втроемъ, беремъ два обѣда, такъ что комната и обѣдъ стоятъ намъ 32 рубля, почти одиннадцать рублей на человѣка, почти весь мой заработокъ... Имъ еще можно какъ-нибудь выкрутиться, а намъ, модисткамъ, никакъ нельзя... Два обѣда на троихъ!... Развѣ можно быть сытымъ?... Но надо жить, и мы живемъ...

Ее прервалъ Аронъ. Онъ не хотѣлъ, видимо, чтобы въ эту жизнь, голодную, жалкую и обидную, влѣзали посторонніе люди, разсматривали ее, говорили о ней...

— Что дѣлается на свѣтѣ? — Онъ хотѣлъ жить въ Петербургѣ, „видѣть свѣтъ", учиться, учиться многому, многое узнать. Онъ хотѣлъ годъ назадъ ѣхать въ столицу... Но какъ же бросить городъ? Здѣсь нѣтъ людей, а люди такъ нужны... Пролетаріатъ здѣсь такой бѣдный, темный, ни о чемъ больше, кромѣ куска хлѣба, не думающій. Онъ рождается въ тискахъ нищеты, живетъ, если это можно назвать жизнью, и погибаетъ... А на смѣну ему приходитъ новое поколѣніе, и, какъ предыдущее, оно страдаетъ, влачитъ страшное существованіе и безслѣдно исчезаетъ во мракѣ забвенія... Всѣ эти тысячи голодныхъ, чахоточныхъ людей мечтаютъ объ Америкѣ, о новой жизни, не такой

голодной, не такой безправной... О, среди нихъ много героевъ!... Они голодаютъ годами, питаются однимъ картофелемъ, скопятъ двѣсти рублей и уѣзжаютъ въ далекую страну... Тамъ имъ хорошо...

— Всѣмъ?...

— Кто говоритъ—всѣмъ?... Далеко не всѣмъ, но уже одно то хорошо, что они тамъ люди, а не жиды... Да и заработокъ тамъ хорошій... Но многіе и тамъ голодаютъ, многіе гибнутъ, не умѣя приспособиться къ новой жизни, новымъ людямъ...

Аронъ путался, но говорилъ страстно, образно.

— А вы, Аронъ, поѣхали бы въ Америку?...

Онъ смутился.

— Я? Нѣтъ, мнѣ не-зачѣмъ ѣхать... Я долженъ жить здѣсь среди такихъ же, какъ я, пролетаріевъ, долженъ работать съ ними и за нихъ.

И онъ заговорилъ о далекомъ будущемъ, которое придетъ... Наступитъ время, когда не будетъ голодныхъ, не будетъ самаго слова „пролетарій“, обиднаго слова, которымъ хотятъ гордиться... И тогда ни капиталистовъ, ни пролетаріевъ не будетъ, будутъ люди. Онъ вѣритъ въ это, какъ его отецъ, старый, мѣстечковый еврей, вѣритъ въ Бога, суроваго и справедливаго, живущаго на небѣ, глядящаго на землю, всѣмъ распоряжающагося—отъ солнца на небѣ до придорожнаго камня на землѣ.

— А пока тяжело, — вздохнула портниха. Когда говорилъ Аронъ, она не спускала съ него восхищеннаго взгляда, она непрерывно смотрѣла на него, и видно было, что слова юноши глубоко западаютъ въ ея душу.

— А пока... пока надо жить втроемъ въ одной комнатѣ, слушать брань, ѣсть только два обѣда и вечеромъ, когда такъ хочется покушать послѣ работы, ложиться спать голоднымъ... Лѣтомъ еще ничего, а вотъ наступитъ зима. Нужна теплая одежда, вѣдь нужна она, правда?... Вы знаете, гдѣ хорошо зимой?

Вы будете смѣяться надъ глупой дѣвушкой... Не смѣйтесь!... Зимой хорошо въ тюрьмѣ... Тамъ тепло, сытно кормятъ... Если бы въ тюрьмѣ держали только зимой, я бы уходила туда. Меня бы кормили, я бы читала, училась...

Аронъ сидѣлъ на стулѣ, раскачиваясь, шепча что-то и глядя въ одну точку...

— Правда?—обратилась къ нему портниха.

Онъ встрепенулся и быстро спросилъ у меня:

— Вотъ вы знаете навѣрное... Сколько стоитъ билетъ до Петербурга? — Очевидно, мысль о поѣздкѣ въ столицу крѣпко засѣла въ голову юноши.

— Ну, довольно, однако, что жъ мы сидимъ такъ, безъ дѣла? — Аронъ схватилъ фуражку и вышелъ.

Дѣвушка сообщила намъ, что Аронъ руководитъ стачкой портныхъ и портнихъ, что „хозяева" жаловались уже на него въ полицію, а хозяинъ квартиры, портной, хочетъ выгнать ихъ изъ комнаты. Это — злой хозяинъ, одинъ изъ самыхъ безсердечныхъ эксплуататоровъ въ городѣ... А старуха, мать хозяина, которую мы видѣли, входя въ квартиру,—настоящая вѣдьма.

Такъ вотъ онъ, одинъ изъ „капиталистовъ" городка! Вотъ она, настоящая жизнь еврейскаго гетто, гдѣ двое нищихъ бьются не на животъ, а на смерть, гдѣ другъ у друга стараются добиться уступокъ—пролетарій и капиталистъ, капиталистъ гетто! У него три швейныхъ машины; на одной работаетъ онъ самъ, на двухъ другихъ заняты пролетаріи... Ergo—безпощадная борьба, борьба представителей двухъ антагонистическихъ классовъ, классовая борьба!...

Аронъ принесъ фунтъ хлѣба, два яйца и кусокъ колбасы. Онъ ушелъ въ пальто, явился безъ него: онъ хотѣлъ угостить насъ завтракомъ. Спасибо, милый юноша!

Маршрутъ былъ намъ данъ, къ агенту на границѣ было написано письмо; Аронъ все сообщилъ подробно:

и къ кому заѣхать, и сколько за что заплатить, и как ѣхать, избѣгая непріятныхъ осложненій.

— Только не платите больше. Агенты и контрабандисты — жулики, они обираютъ, смотрите въ оба... А мнѣ, когда благополучно переберетесь, напишите объ этомъ. Не забудьте. Мнѣ это нужно знать для другихъ бѣглецовъ.

Мы вышли изъ дому. Солнце палило, и въ огненномъ сіяніи сверкалъ лѣсъ. По рѣкѣ плыли широкіе круги, расходились блестящими струйками и скрывались подъ густой тѣнью лѣса.

— Счастливаго пути! Успѣха!...

— Спасибо. Желаемъ выиграть стачку!

Послѣднее рукопожатіе, мы взобрались на тряскую пролетку и поѣхали на вокзалъ.

Поѣздъ уже стоялъ. И не прошло пяти минутъ, какъ мы мчались уже въ мѣстечко.

Я выглянулъ въ окно. Городъ исчезъ, и только шпиль единственной церкви въ городкѣ горѣлъ на солнцѣ. Лѣсъ поглотилъ городъ и рѣку, и людей... Надъ лѣсомъ стоялъ дымъ,—это обжигали горшки жители бора. Но дымъ сталъ сѣрѣть, лѣсъ уходилъ все дальше и дальше... Пошли поля, ровныя поля Малороссіи...

И подъ грохотъ колесъ мнѣ видѣлся желтый Аронъ, сотниАроновъ, запертыхъ въ клѣткѣ, погибающихъ въ ней отъ духоты и лишеній...

Гдѣ-то теперь чахоточный юноша съ мечтательными глазами? Агитируетъ среди голодныхъ пролетаріевъ противъ голодныхъ капиталистовъ? Уѣхалъ ли въ Петербургъ „увидѣть свѣтъ", тотъ свѣтъ, который дразнитъ многихъАроновъ? Или попалъ въ тюрьму, гдѣ ему будетъ тепло, сытно, гдѣ можно читать, набираться знаній и безъ волненія думать о кускѣ хлѣба на завтра?

III.

Отъ города до станціи В. было полтора часа ѣзды. Вагонъ былъ переполненъ евреями въ бархатныхъ

шляпахъ, длинныхъ до пятъ капотахъ. Длинные пейсы развивались отъ слабаго дуновенія вѣтра. Покупали и продавали коньякъ, шелкъ, сигары: чувствовалось приближеніе границы. Быстрый гортанный говоръ дѣйствовалъ на нервы...

Къ намъ подошелъ молодой человѣкъ и по-польски спросилъ, куда ѣдутъ панъ и пани. Мы отвѣтили по-французски, что не понимаемъ вопроса. Молодой человѣкъ весьма настойчиво предложилъ тотъ же вопросъ на нѣмецкомъ, еврейскомъ и русскомъ языкахъ; мы отрицательно качали головой, давая этимъ знать, что не понимаемъ ни одного изъ этихъ языковъ... Молодой человѣкъ усѣлся на лавку и сталъ смотрѣть на насъ, что называется, въ оба.

На станціи В., куда мы прибыли въ четвертомъ часу дня, все было поставлено на военную ногу: два жандарма съ винтовками за плечами дѣловито расхаживали по платформѣ, разсматривая всѣхъ сходящихъ пассажировъ, а у входа въ вокзалъ стоялъ вооруженный до зубовъ дебелый стражникъ и немилосердно зѣвалъ во весь ротъ.

Вошелъ въ вагонъ парень.

— Кому снести вещи? -- Мы указали на чемоданы, онъ схватилъ ихъ и потащилъ къ выходу. Помня наказъ Арона не входить въ станціонное помѣщеніе, а идти прямо къ извозчикамъ, мы стали быстро проходить платформу, какъ вдругъ надъ самымъ своимъ ухомъ я услышалъ грозный окрикъ:

— А, опять вещи?

Оглянулись, съ ужасомъ видимъ: носильщикъ положилъ чемоданы на землю, а жандармъ въ позѣ человѣка „при исполненіи служебныхъ обязанностей“ стоитъ съ видомъ героя, совершившаго подвигъ. Аронъ говорилъ намъ, что на станціи требуютъ иногда отъ „подозрительныхъ“ пассажировъ паспорта и, въ случаѣ чего, арестуютъ.

И потому, первой мыслью, пришедшей въ голову, была:—Требуютъ паспорта. „Дѣло сорвалось“...

Но жандармъ скоро вывелъ насъ изъ состоянія оцѣпенѣнія.

— Ишь ты, сукинъ сынъ, опять носильщикомъ задѣлался!... Не служишь на станціи, а таскаешься сюда. Если еще разъ попадешься...—И послѣдовала отчаянная брань. Парень схватилъ вещи и бросился къ выходу, сопровождаемый монологомъ жандарма.

На небольшомъ дворѣ, гдѣ, какъ увѣряли въ П., стоитъ всегда десятка два „фуръ“, находилось на сей разъ всего двѣ повозки, и, что удивительнѣй всего, извозчиковъ-евреевъ не было. Стали вспоминать, какой день, оказалась — пятница; дѣло идетъ къ вечеру, наступаетъ суббота...

Мы подошли къ одному извозчику; онъ запросилъ пять съ полтиной, мы дали полтину (обычная цѣна въ мѣстечкѣ — рубль съ двоихъ). Онъ расхваливалъ намъ быстроту бѣга своихъ коней, указывалъ на трудную дорогу, увѣрялъ, что до мѣстечка шестьдесятъ верстъ (въ дѣйствительности—25). Въ то время, какъ мы ожесточенно торговались, во дворѣ показалась фигура жандарма. Мы вбросили вещи въ бричку, согласились на послѣднюю цѣну, предложенную ямщикомъ, т.-е. на три съ половиной рубля, и тронулись въ путь.

Дорога шла ровной степью. Хлѣбъ былъ уже снятъ и свезенъ съ полей, и только кой-гдѣ мелькали еще желтоватыя копны. День былъ очень жаркій, солнце обдавало насъ огнемъ, а тутъ еще эта пыль, въ густыхъ облакахъ которой мы положительно задыхались.

Ямщикъ нашъ былъ русинъ, Андрей Каминскій, или какъ онъ произносилъ съ польскимъ акцентомъ — Андрій Куминьски. Отъѣхавъ отъ станціи верстъ пять, онъ пустилъ лошадей шагомъ, повернулся къ намъ лицомъ и вступилъ въ бесѣду.

Его отецъ, бѣдный крестьянинъ, „выгодувалъ“ четверыхъ сыновей и дочь. Дочь—пропала.

— Ушла на Кійвщину, и уже годівъ десятокъ немае слуху відъ неі. — Должно, померла. Кабы жила, написала бы письмо, моргъ земли отписалъ ей старикъ передъ смертью. Навѣрное,—померла.

Андрея женили восемнадцати лѣтъ на вдовѣ. Было ей сорокъ два года; отъ перваго мужа имѣла она четыре морга, корову и двѣ лошади; была хорошая изба и всякое хозяйство. Баба была хорошая, тихая... Да все болѣла горломъ и скоро померла. Всего два года жили. А потомъ пошелъ Андрей на военную службу, загнали его къ москалямъ, три года служилъ, думалъ скоро кончить службу... Да война началась, и погнали Андреевъ полкъ на „Можурку“, гдѣ скоро въ незначительной стычкѣ герой нашъ былъ взятъ въ плѣнъ. О японцахъ возница нашъ былъ дурного мнѣнія:

— Тоже народъ!... Мяса не ѣдятъ, какъ звѣри какіе, рисъ трескаютъ, сами маленькіе, черные...

— А дерутся хорошо?

— Японцы?—Андрей ухмыльнулся.—Только потому нашихъ одолѣли, что ноги у нихъ такія, ходить шибко могутъ. Сегодня—тутъ, а завтра за сто верстъ. Хочу я спросить, панъ, — обратился Каминскій, — отчего это у нихъ такой порядокъ: нога маленькая, маленькая, а у бабъ, тьфу! не нога, а какъ у поросенка все равно копытце... Не по-хрестьянски... У насъ нѣтъ того... Обязательно въ другой разъ побьемъ японца.

Въ Андреѣ было много цивилизаціи чисто казарменной, вынесенной съ военной службы. Было презрѣніе къ врагамъ, гордость своимъ званіемъ унтеръ-офицера и то удальство, которое усиленно культивируютъ въ солдатахъ, удальство горланить пѣсни, лихо заламывать набекрень фуражку и носить нафабренные усы...

— Ну, а земли у васъ довольно, хватаетъ?—спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ.

— Земли? — Андрей торопливо оглядѣлъ меня, скрутилъ папироску и философски отвѣтилъ:

— Какъ у кого... У кого есть много, а у кого чортъ мае.

— У мужиковъ довольно?

Мало. Паны у насъ дюже сильные.—Онъ даже закрылъ глаза и тряхнулъ головой. — Вся „губерня" паньска. Дюже много земли у пановъ.—И Андрей сталъ по фамиліямъ перечислять, сколько сотенъ и тысячъ морговъ у каждаго пана. Кончивъ перечисленіе, онъ вопросительно, глядя сбоку, продолжалъ:

— Про думу балакали, дума дастъ... Брехня!... Паньска дума... Монахи приходили, объяснили, что хочетъ дума у мужиковъ землю отнять, а потомъ по клаптику давать...

— Какіе монахи?...—полюбопытствовалъ я.

— Съ Почая, отъ Божьей Матери. Одинъ старый такой, гарно сказувалъ.

По Волыни и Подоліи работаютъ монахи и, какъ видно, не безуспѣшно.

— За то и прогналъ царь думу, — продолжалъ Андрей,—за то, что землю у мужиковъ отнять хотѣла.

Пришлось объяснить Андрею, за что именно были распущены обѣ думы, въ чемъ сущность законопроектовъ „о землѣ", представленныхъ въ думу различными партіями. Андрей слушалъ очень внимательно, курилъ сосредоточенно одну папиросу за другой и, когда я кончилъ говорить, испытующе спросилъ:

— Немае туточкі фальши?

Я сослался на газеты.

— Было напечатано... Можетъ, читали?

— Гдѣ намъ? Нѣтъ у насъ газетъ... Батюшка получаетъ, далъ мнѣ одинъ разъ газету. Мало тамъ про землю пишутъ, все про жидовъ... Спасибо батюшкѣ,

что далъ, вторую недѣлю цыгарки кручу, — и онъ засмѣялся. Я взялъ оборванный по краямъ листъ: это было „Русское Знамя“.

— А что за землю сказували, — спасибо, скажу на деревнѣ.

Солнце заходило. Ямщикъ остановился поить лошадей... Потомъ мы поѣхали, я сталъ дремать и сквозь дремоту видѣлъ, что Андрей усиленно куритъ, размахиваетъ руками; иногда онъ вскрикивалъ: „Такъ батька брехавъ!“ хлесталъ лошадей и зло кричалъ:

— Вотъ я тебѣ, чортова скотина!...

Дорога пошла въ гору. Лошадямъ приходилось чуть ли не по отвѣсной линіи тащить бричку по тяжелому, каменистому грунту. Нѣсколько разъ мы чуть-чуть не вылетали изъ экипажа, который подпрыгивалъ, наклонялся и готовъ былъ разлетѣться въ щепы отъ страшныхъ толчковъ. Минутъ съ двадцать мы взбирались на гору и, наконецъ, достигнувъ ея, оказались какъ бы въ центрѣ огней. Внизу, налѣво, широкой огненной лентой извивались село и мѣстечко Ф., а справа, изгибаясь, то взбѣгая вверхъ, то опускаясь внизъ, къ окутанной туманомъ долинѣ, скользила полоса австрійскихъ огней. Возница ткнулъ кнутомъ направо и безразлично произнесъ:

— Та́мочки австрійски е́гери.

Такъ вотъ она граница, къ которой мы такъ долго ѣхали! Она совсѣмъ не похожа на ту, которую приходилось переходить раньше; та была мрачная, ее смыкалъ лѣсъ и шепталъ убѣгающимъ: „Прощай, прощай“...

А эта граница сіяла сотнями огней, какъ змѣя, играла ими. Вокругъ этой границы кипѣла жизнь шумная и здоровая. И эта жизнь съ границей не считалась, она переходила полосу огней безъ паспорта и игнорировала пограничные кордоны.

IV.

Мѣстечко какъ бы вымерло: наступала суббота. Во всемъ мѣстечкѣ было только нѣсколько христіанскихъ семей, да и тѣ жили въ концѣ, тамъ, гдѣ начиналось село.

Намъ нужно было разыскать постоялый дворъ Боруха Шмуэйльса (т.-е. сына Шмуэля). Въ теченіе добрыхъ десяти минутъ странствовали мы по улицамъ, надѣясь увидѣть хоть одного человѣка. Тщетно! Сквозь ситцевыя занавѣски въ окнахъ вырисовывались фигуры, сидящія за столами, слышался говоръ, нарушаемый смѣхомъ. Видя, что этакъ можно проплутать цѣлую ночь въ поискахъ человѣка, я слѣзъ съ брички, подошелъ къ первому дому и постучалъ въ двери. Цѣлая ватага взрослыхъ и дѣтей выскочила на крылечко съ вопросомъ, что угодно. Извинившись за безпокойство, я попросилъ указать, гдѣ живетъ Борухъ Шмуэйльсъ.

— Борухъ Шмуэйльсъ? А зачѣмъ вамъ нуженъ Борухъ Шмуэйльсъ? Вы — ойрахъ (путешественникъ)? Развѣ можно останавливаться хорошему пану у Боруха, у этого разбойника? Отчего пану не заѣхать къ намъ? Пану всякій скажетъ, что наша гостиница — первая въ мѣстечкѣ.

Но такъ какъ всѣ уговариванія на меня не дѣйствовали, пожилая женщина, вѣроятно, мать, приказала всѣмъ войти въ домъ, а затѣмъ, круто повернувшись спиной, захлопнула передъ самымъ моимъ носомъ двери, такъ и не сообщивъ адреса Боруха.

Точно такой же пріемъ оказали мнѣ и въ другомъ домѣ, гдѣ повторилось предложеніе переночевать въ „лучшей“ гостиницѣ. Я влѣзъ въ бричку, мы поѣхали дальше среди густой темноты; лошади фыркали и спотыкались, Каминскій проклиналъ „жидовъ, чтобъ имъ треснуть“, и давалъ совѣты:

— Плюньте панъ, на жідовъ. Поѣдемъ до урядника онъ и скажетъ, гдѣ живетъ Борухъ.

Ругань Каминскаго усиливалась съ каждой минутой, и мы уже начинали опасаться, чтобы шумъ не привлекъ полицейскихъ, какъ вдругъ, на наше счастье, за поворотомъ улицы мы увидѣли ярко освѣщенный магазинъ, на входныхъ дверяхъ котораго, освѣщенная фонаремъ, висѣла вывѣска: „Аптекарскій магазинъ. Піявки. Содовая и сельтерская вода“.

Хозяинъ стоялъ за высокой конторкой и, подперевъ щеку рукой, согнутой въ локтѣ, внимательно штудировалъ „Биржевыя Вѣдомости“. Онъ испугался моего вида: грязный, покрытый толстымъ слоемъ пыли, въ широкомъ пальто и зимней шапкѣ, я могъ испугать своей внѣшностью любого обывателя мѣстечка. Оправившись, хозяинъ спросилъ:

— Чего нужно?

Я попросилъ указать, гдѣ живетъ Борухъ Шмуэильсъ.

— Онъ вамъ нуженъ?...

— Ну, конечно, нуженъ.

— И сейчасъ нуженъ вамъ Борухъ Шмуэйльсъ?— Слово „сейчасъ“ аптекарь подчеркнулъ.

— Сейчасъ. Если-бъ не нуженъ былъ, я не безпокоилъ бы васъ ночью.

— А!... — аптекарь улыбнулся. — Значитъ, Борухъ нуженъ экстренно... Ну, что жъ, мы вамъ поможемъ въ вашемъ дѣлѣ. — Онъ немного подумалъ, щелкнулъ пальцами и ласково спросилъ:

— Навѣрное, серьезное дѣло?... А, серьезное?...— Аптекарь щурилъ глаза, поводилъ плечами и хитро грозилъ мнѣ указательнымъ пальцемъ, приговаривая съ отеческимъ вздохомъ:

— Молодой человѣкъ, ай-ай-ай, молодой человѣкъ!...

Было видно, что все мѣстечко занималось или знало о лицахъ, занимавшихся переправой и прочимъ пограничными предпріятіями.

— Исайка! — крикнулъ аптекарь, подойдя къ двери ведущей видимо въ его квартиру. Выскочилъ рыжій мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати; отецъ сказалъ ему что-то на ухо; мы вышли на крыльцо, и аптекарь прошепталъ:

— Идите прямо за Исайкой. Онъ отведетъ васъ къ Боруху... Только — тихо, не стучите, не говорите теперь полиція хорошо смотритъ за... понимаете, молодой человѣкъ?... Политика, что подѣлаете!... Ну, идите!... Желаю вамъ успѣха и хорошихъ дѣлъ.

Словоохотливый аптекарь протянулъ руку, еще разъ пожелалъ успѣха и скрылся въ магазинѣ.

Минутъ черезъ пять мы входили въ ворота Борухова дома. Одна половина большого помѣщенія была ярко освѣщена, и оттуда несся крикъ, звуки гармоники гудѣли и плыли поверхъ шума: это былъ шинокъ. Пройдя длинныя ворота, напоминающія входы въ средневѣковые замки, мы очутились предъ большой дубовой дверью. Исайка указалъ намъ на нее, прошепталъ: „Стукайте!“ и убѣжалъ домой.

Мы стали стучать. Отвѣта не было. Постучали другой, третій разъ. За дверьми что-то завозилось, потомъ послышались кашель, шлепанье туфель, и рѣзкій, хриплый басъ спросилъ:

— Вэръ изъ дортъ? *)

— Пассажиры. Есть комната?

— Пассажиры?... Какіе пассажиры?... Въ пятницу ночью?...

— Со станціи. Поѣздъ опоздалъ.

— А кто вы и откуда? Гоимъ? **)

---

*) Кто тамъ

**) Гой—не-еврей.

Приходилось давать точный отвѣтъ.

— Намъ рекомендовали васъ, рэбъ Борухъ.

— Рекомендовали?... Пхе, кто можетъ помнить бѣднаго Боруха?...

Въ присутствіи Андрея было неудобно вступать въ бесѣду на щекотливую тему, а потому я попросилъ прежде всего впустить насъ въ домъ.

— Впустить?... — басилъ за дверями старческій голосъ.—А кто вы, развѣ знаю я, кто вы?...

— Да не разбойники, чего боитесь?...

— Ну что жъ, можно и впустить въ хату... Стараго Боруха обижать не за что... Подождите одну минуточку!..

Борухъ зашмыгалъ туфлями, потомъ мы слышали, какъ появилось еще нѣсколько паръ туфель; несся шопотъ, что-то передвигали...

— Должно быть, контрабанду прячутъ,—пронеслось въ головѣ.

Минута шла за минутой, терпѣніе наше стало истощаться. Но, наконецъ, загремѣлъ засовъ, завизжали тяжелыя двери, и мы вступили въ обѣтованную комнату. У порога стоялъ самъ Борухъ, сѣдой человѣкъ въ ермолкѣ; большая сѣдая борода волнами падала на грудь; изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проницательно смотрѣли сѣрые, холодные, какъ сталь, глаза. Рядомъ съ Борухомъ стояла маленькая сморщенная старушонка съ отвратительнымъ гноящимся глазомъ. За ихъ спинами двѣ молодыхъ женщины съ любопытствомъ разглядывали насъ. Въ глубинѣ комнаты, заложивъ ногу на ногу, сидѣлъ старичокъ въ европейскомъ костюмѣ, — какъ мы потомъ узнали отъ него, коммиссіонеръ какой-то фирмы, пріѣхавшій въ мѣстечко покупать свеклу для сахарнаго завода.

Когда возница внесъ наши чемоданы и удалился въ Боруховъ шинокъ, мы усѣлись за столъ, придвинутый къ длинному клеенчатому дивану и приступили къ дѣлу.

— Намъ нуженъ Лейбце.

Это было лицо, наблюдавшее за агентами и руководившее операціями.

Борухъ засмѣялся, старуха кисло улыбнулась.

— Ха, вамъ нуженъ Лейбце!?... А мнѣ нуженъ банкъ Ротшильда... А гдѣ я вамъ возьму Лейбце?

— Да вѣдь онъ здѣсь живетъ?

— Если бы Лейбце былъ здѣсь, отчего я не сказалъ бы вамъ?... Вы знаете, гдѣ Лейбце? — Борухъ продвинулся ко мнѣ поближе и торжественно заговорилъ:

— Лейбце уѣхалъ учиться. Лейбце хочетъ быть докторъ. Понимаете, гдѣ Лейбце?...

Положеніе было отвратительное: исколесить тысячи верстъ, проѣхать чуть ли не всю пограничную линію и вдругъ, у самой переправы, передъ огнями австрійскихъ кордоновъ, потерпѣть крахъ.

— А зачѣмъ вамъ Лейбце? — полюбопытствовала молодая женщина.

— Не твое дѣло,—окрысилась старуха.—Вотъ пріѣдетъ мужъ, скажу, что у него жена—дура.—Молодая женщина смутилась и ушла въ другую комнату.

Борухъ дѣловито спросилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ нуженъ Лейбце?

— Чтобы переправиться въ Австрію.

— Ну??

— Дайте человѣка.

— А когда панъ хочетъ перейти?

— Сегодня ночью.

— Такъ скоро?... Ой-ой-ой, какой панъ скорый! Россія, Австрія — и вдругъ разъ-два... Что это — хапанцы... А потомъ панъ забылъ, что сегодня пятница... Ха, суббота вѣдь праздникъ?... Въ субботу нельзя ничего дѣлать.

Что жъ,надо ждать! Я попросилъ позвать агента. Старикъ кивнулъ дочери, и та исчезла.

Съ утра мы ничего не ѣли еще, необходимо было также умыться и принять болѣе благообразный видъ. Но Борухъ заявилъ, что въ субботу воспрещается носить что-либо. Я вышелъ во дворъ и самъ досталъ изъ колодца воды. Просьбу поставить самоваръ старикъ категорически отвергъ.

— Въ субботу огонь разводить?! Что еще выдумаете вы себѣ? Можетъ, печку затопить? Хорошее дѣло на старости лѣтъ, только этого не доставало ..

— Ну, дайте намъ поѣсть чего-нибудь, — просили мы.

— Сегодня – суббота. Въ субботу ѣсть нечего, — стоялъ на своемъ Борухъ.

— Но вѣдь у васъ шинокъ открытъ.

— Это — не мой. Я сдаю въ аренду квартиру.

— Такъ пошлите взять и принести что-нибудь.

— Панъ не слышалъ, что я сказалъ?... Въ субботу носить нельзя.

— Такъ я самъ пойду.

— Ну-ну! Только надо посмотрѣть: можетъ, тамъ сидитъ кто изъ такихъ...

Старуха вышла, сейчасъ жевернулась и сообщила, что въ трактирѣ полицейскій „гуляетъ". Приходилось сидѣть голоднымъ. Насъ выручилъ, однако, комиссіонеръ. Онъ слушалъ разговоры и подошелъ, когда мы замолчали.

— Позвольте, я схожу. Они съ ихъ набожностью могутъ на тотъ свѣтъ отправить... Праведники!... Никакой въ нихъ образованности нѣту!... У насъ въ Кіевѣ... я двадцать лѣтъ живу въ Кіевѣ... Вы, можетъ быть, были когда-нибудь въ нашемъ Кіевѣ?... Вотъ это городъ!—столица можно сказать!... Вы сами изъ Петербурга? Или вы сами изъ Москвы?... Ну, скажите, Петербургъ вправду лучше Кіева?... Тамъ въ субботу люди, какъ люди... Вамъ что купить? Здѣсь деликатесовъ нѣтъ, ни килекъ, ни сардинокъ...—И онъ снисходительно докончилъ:—Ну. это же не Кіевъ.

Комиссіонеръ ушелъ за покупками, а мы отправились въ отведенную для насъ комнату. Три четверти ея занимала кровать исполинскихъ размѣровъ. По стѣнамъ висѣли олеографіи: одна изображала Іерусалимъ съ раскрашеннымъ синей краской храмомъ Соломона, другая—какое-то сраженіе, остальныя были такъ засижены мухами, что нельзя было ничего разобрать. Надъ изголовьемъ кровати висѣли портреты цадиковъ*) съ описаніемъ чудесъ, совершенныхъ каждымъ изъ нихъ, ихъ біографіями и дѣятельностью.

Минутъ черезъ пять явился комиссіонеръ по „сахарной части"; онъ несъ что-то бережно обѣими руками, положилъ на столъ покупку и сталъ быстро извиняться:

- Вы умываетесь?... Умывайтесь, умывайтесь, не стѣсняйтесь, свои люди!... А что я купилъ, Боже мой! Ну и мѣсто, хоть пропадай!.. Ужъ вы извините... вы понимаете?... купилъ только хлѣбъ и селедку... Тоже селедка!... Въ Кіевѣ за пять копеекъ купишь селедку, такъ видишь, что это селедка! Нѣтъ! Вы посмотрите только, что это за селедка! За десять копеекъ—и не на что смотрѣть...

Мы приступили къ ѣдѣ. Селедка была такая соленая, что мы принуждены были выбросить ее за окно; что касается французской булки, то несомнѣнно, она ждала покупателя уже не одинъ день. Мы съ аппетитомъ уничтожали тѣмъ не менѣе булку, въ то время, какъ комиссіонеръ приступилъ къ безконечнымъ разсказамъ о Кіевѣ, о сахарныхъ операціяхъ, о „нашемъ извѣстномъ Бродскомъ" и прочемъ въ этомъ родѣ. И долго бы еще, вѣроятно, занималъ онъ насъ образованными разговорами, если бы въ дверь не раздался сильный стукъ; не дожидаясь отвѣта, въ комнату вошелъ, точнѣе — вплылъ, худой, длинный человѣкъ съ манерами кошки. Онъ вошелъ крадучись, медленно

*) Чудотворцы, почитаемые хасидами.

и тихо подалъ руку женѣ, мнѣ, комиссіонеру и, не глядя ни на кого, усѣлся на стулъ. Изъ-подъ крутого лба глядѣли голубые глаза рѣдкой красоты. Онъ медленно вращалъ ими, и когда взглядъ падалъ на меня, всего меня охватывала дрожь.

Посидѣвъ нѣсколько секундъ, Ицко — такъ звали агента — подошелъ къ нашимъ чемоданамъ, поднялъ каждый и голосомъ ровнымъ, сильнаго металлическаго тембра, сказалъ:

— Много. Сегодня перейти нельзя.

— А когда можно?...

Ицко обвелъ взглядомъ комнату. Комиссіонеръ поднялся, желая видимо удалиться, но сейчасъ же опустился обратно на стулъ и небрежно махнулъ рукой:

— Говорите, говорите... Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Мы—люди свои. Зачѣмъ церемоніи?

— Когда можно?

Ицко подумалъ...

— Завтра можно.

Итакъ, приходилось сутки ждать. Ицко замолчалъ и сидѣлъ въ позѣ человѣка, готоваго слушать: очевидно, намъ онъ предоставилъ инициативу вести разговоръ. При этомъ агентъ глядѣлъ въ потолокъ; когда же переводилъ взглядъ на кого-нибудь изъ насъ,—дѣлалось жутко. Даже комиссіонеръ ерзалъ, когда на немъ останавливался ледяной взглядъ Ицки. Я прервалъ молчаніе.

— Сколько это будетъ стоить?

— Сколько? Мнѣ тридцать пять, переправщику — пять, всего сорокъ рублей. Не гульденовъ, а рублей.

Аронъ говорилъ, что Лейбце устроитъ все дѣло за пять, шесть рублей... Да и заплати мы агенту сорокъ рублей, нашъ кошелекъ былъ бы на половину пустъ. Начался яростный торгъ, длившійся съ полчаса; нѣсколько разъ Ицко собирался уходить, не вставая, щупалъ чемоданы и немедленно повторялъ все ту же фразу: „Много, даже очень". Наконецъ, сошлись на восемнадцати рубляхъ; за эту сумму насъ должны были

перенести на плечахъ на тотъ берегъ и лошадьми доставить въ австрійское мѣстечко, находившееся въ 25 верстахъ отъ станціи желѣзной дороги.

Когда дѣло было покончено, Ицко подалъ руку со словами: — „Въ добрый часъ. Мы будемъ довольны другъ отъ друга". — и попросилъ разрѣшенія угостить насъ пивомъ. Онъ принесъ двѣ откупоренныя уже бутылки, налилъ четыре стакана, чокнулся и медленно выпилъ „за успѣхъ", „за здоровье" и „за знакомство съ хорошими панами". Затѣмъ, считая насъ находящимися уже подъ его протекторатомъ, Ицко вышелъ въ комнату Боруха, и мы слышали, какъ онъ говорилъ:

— Приготовьте пану и пани постели, утромъ не будите, не шумите.

Придя послѣ того въ нашу комнату, Ицко сообщилъ, что о нашихъ удобствахъ онъ уже позаботился, пожелалъ намъ „спокойной ночи" и удалился во свояси.

Комиссіонеръ развалился на стулѣ и сталъ доказывать, какой „хлѣбъ" — переправа.

— Вотъ это — хлѣбъ. Не надо ѣздить на старости лѣтъ по городамъ и мѣстечкамъ покупать свеклу, не надо вести собачью жизнь...

И сталъ высчитывать:

— Съ одного человѣка — пятнадцать рублей... Въ годъ можно провести пятьсотъ душъ... ну, положимъ, только сто... выходитъ полторы тысячи. Полторы тысячи!... Это — не двадцать копеекъ!... А контрабанда?... Вы думаете, онъ не заработаетъ еще тысячи?... Какой-нибудь Ицко — и двѣ тысячи пятьсотъ рублей!... Что онъ — образованіе получилъ?... Что онъ — сынъ Бродскаго?... А вѣдь такія деньги дай Богъ, чтобъ зарабатывалъ докторъ...

Старуха съ гноящимися глазами прервала поучительные разговоры комиссіонера. Она принесла подушки, постельное бѣлье, приготовила два необъятныхъ

ложа и ушла на свою половину. Удалился и комиссіонеръ, и, измученные, не спавшіе нѣсколько ночей къ ряду, мы бросились въ постель и быстро заснули.

V.

Сонъ нашъ длился не много времени. Я вскочилъ отъ звука посуды, которую колотятъ, и услышалъ:— „Ратуйте!“ Въ кабакѣ шла форменная битва; наша комната отдѣлялась отъ шинка тонкой стѣной и запертыми на ключъ дверями, такъ что прежде всего шумъ разбудилъ насъ. Потомъ мы услышали, какъ Борухъ шлепаетъ туфлями, отворяя выходъ на улицу и уходитъ. Потомъ его густой басъ раздался во дворѣ... Затѣмъ все стихло, и я заснулъ... Мнѣ снился огромный, рыжій жандармъ, Ицко, который душитъ меня за горло, потомъ въ нашу драку вмѣшался Борухъ... Комиссіонеръ сидитъ верхомъ на Борухѣ... Кто-то кусаетъ меня, больно, душно... Вскакиваю—и чувствую, что меня ѣдятъ клопы. Зажигаю свѣчу—кровать и подушка буквально усѣяны черными клопами, словно одно большое копошащееся пятно заняло кровать. Такъ и не удалось больше уснуть, такъ какъ всю остальную ночь я велъ войну съ клопами. Лишь подъ утро, примостившись на стульяхъ, я сталъ дремать. Сквозь дрему я услышалъ, что кто-то стучитъ въ нашу комнату.

— Вставай,—трясла меня жена за плечи.—Хозяинъ зоветъ тебя, надо выйти.

Наскоро одѣвшись, я вышелъ къ Боруху. Онъ взволнованно ходилъ по комнатѣ, подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ за пуговицу и, глядя въ глаза, спросилъ:

— Вы кошерны?

— То-есть, какъ это?

— Я спрашиваю у васъ, вы кошерны? Ай, Боже мой? Или трефной, а?...

— Да объясните же, чортъ возьми, въ чемъ дѣло.

— Вашъ извозчикъ, чтобы ему не доѣхать до дому, чтобы лихорадка трясла его до самой его смерти, вашъ извозчикъ остался себѣ ночевать здѣсь. А я, дуракъ, пустилъ его... Такъ онъ пошелъ себѣ въ шинокъ и подрался, а глупая баба,—отдамъ ей въ аренду, может она ждать! — она позвала полицейскаго... Ну, а когда зовутъ полицейскаго, вы думаете—хорошо это? Его спрашиваютъ: — „Кто ты, откуда ты, зачѣмъ пріѣхалъ?“ А онъ, чтобы ему сгорѣть на самой дорогѣ, когда онъ еще ѣдетъ, взялъ себѣ и сказалъ: — „Привезъ со станціи пана и пани“. Что вы на него скажете?... А утромъ пришли уже двѣ собаки и говорятъ: — „Кто у тебя, Борухъ?“ Кто можетъ быть у Боруха? У Боруха нѣту никого, Борухъ не занимается никакими дѣлами; старому человѣку зачѣмъ дѣла?... Кто у меня? Жена и дѣти, чтобы они здоровы были... Вы думаете, они повѣрили, эти собаки? Они говорятъ совсѣмъ:— „Фурманъ сказалъ, что привезъ пана и пани“. А? Что вы на него скажете? Ну, что мнѣ было дѣлать? Я говорю:—„На-те трицать копеекъ“... Я никогда не давалъ имъ больше двадцати копеекъ... Я — двадцать, другой — двадцать, въ мѣсяцъ будетъ пятьдесятъ; понимаете?—И еврей всплеснулъ руками: — Они себѣ дома строятъ, землю покупаютъ, дѣлаются панами... А полицейскіе говорятъ: — „За трицать копеекъ будемъ отъ службы отказываться? Мы присягали. Давай три рубля!“ Что я — фальшивый монетчикъ, или деньги растутъ въ огородѣ?...

— Надо было дать рубль, они бы взяли, рубль — это деньги, — вмѣшался комиссіонеръ. — А то непріятности могутъ быть. У насъ въ Кіевѣ черезъ полицію много людей пропало. А почему? Потому, что деньги жалѣли.

— И что же было?...

Борухъ удивленно посмотрѣлъ на меня:

— Вы хотите, чтобы уже что было? Ничего не было... Я сказалъ, — и Борухъ хитро улыбнулся, — я сказалъ: — панъ проснется, я скажу пану, онъ дастъ, сколько его щедрость... Ну, а все-таки панъ кошерный? У пана есть паспортъ?... Настоящій паспортъ?... А покажите, панъ!... Ой, въ самомъ дѣлѣ паспортъ! Зачѣмъ я давалъ имъ цѣлыхъ тридцать копеекъ?

Тѣмъ не менѣе, комиссіонеръ бросился пригласить на совѣщаніе Ицко. Явился агентъ, выслушалъ донесеніе о случившемся, вошелъ въ нашу комнату, забралъ чемоданы и потащилъ ихъ, не говоря ни слова, въ погребъ. Въ этомъ помогалъ ему Борухъ, забывшій, кстати, о святости дня субботняго. Затѣмъ мы одѣлись и, перейдя дворъ, вошли во флигель, гдѣ жила замужняя дочь Боруха. Ея мужъ уѣхалъ „по дѣламъ" и въ виду праздничнаго дня заночевалъ на австрійской сторонѣ; оттуда онъ доставлялъ шелкъ и сигары.

Мы попросили поставить самоваръ. Повторилась вчерашняя исторія: Борухъ сказалъ, что въ субботу самовара поставить никакъ нельзя: когда мы предложили сами это сдѣлать, Борухъ наотрѣзъ отказался:

— Зачѣмъ мнѣ трефную посуду дѣлать?

Наконецъ, послѣ долгихъ пререканій и ссылокъ на должные авторитеты, намъ удалось убѣдить старика, что закономъ воспрещено не вообще пить чай, а пить Боруху. Изъ кладовой намъ вытащили порыжѣвшій отъ времени самоваръ, испорченный и грязный, указали, гдѣ лежитъ уголь, и мы приступили къ дѣлу.

Пока я занятъ былъ самоваромъ, жена, сопутствуемая комиссіонеромъ, отправилась въ единственную лавку, открытую по субботамъ, — „общество потребителей", чтобы купить припасы. Черезъ часъ она возвратилась, неся хлѣбъ, масло, яйца и колбасу, завидя которую Борухъ сталъ нещадно плевать... А я сидѣлъ еще передъ самоваромъ, бросалъ туда уголь, щепки—и дулъ. Только къ двѣнадцати часамъ самоваръ закипѣлъ, и мы

аппетитно пили чай, увѣряя Боруха, что заповѣди писались, когда чай еще не употреблялся, иначе была бы сдѣлана соотвѣтствующая оговорка.

Комиссіонеръ расселся на кровати и сталъ сообщать намъ свѣдѣнія изъ жизни кіевскаго beau monde'а, гдѣ „извѣстный Бродскій“—„первый человѣкъ“.

Около трехъ часовъ пришелъ Ицко и попросилъ „приготовиться“, такъ какъ скоро придется тронуться въ путь. Жена нарядилась въ платочекъ, я натянулъ пальто, и мы, готовые къ путешествію, стали ждать. Прошло полчаса, часъ, - никто не появлялся. Съ каждой минутой мы нервничали все больше и больше, а когда на стѣнныхъ часахъ пробило половина пятаго, мы подумали, что и сегодня не удастся перебраться, что придется ждать завтрашняго дня, еще сутки жить въ этомъ проклятомъ мѣстечкѣ... И, кто знаетъ, быть можетъ, судьба заставитъ насъ сидѣть здѣсь трое, четверо сутокъ: вѣдь на границѣ это бываетъ сплошь да рядомъ.

Только въ началѣ шестого часа къ флигелю подъѣхала бричка, и туда стали класть наши чемоданы: скоро, значитъ, придутъ и за нами. Но время шло, никто не появлялся, и въ сердцѣ нашемъ росла тревога. Но вотъ скрипнули двери, и въ комнату вошли Борухъ, его жена, дочь, Ицко и высокій, крѣпкій, черный отъ загара мужчина лѣтъ тридцати пяти.

— Ну, можно идти. Вотъ съ кѣмъ вы пойдете, — началъ Ицко, указывая на контрабандиста.—А ты, Трофимъ, веди ихъ той дорогой, а черезъ рѣчку — перенести. Понимаешь?

Трофимъ крякнулъ и выразительно щелкнулъ пальцами.

— Ну, паночку, вы дадите ему рубль на водку? Неправда развѣ?

— Дамъ, только скорѣй!

Трофимъ удалился, Ицко нагнулся къ самому моему уху и зашепталъ:

— Зачѣмъ пану говорить мужику, сколько мнѣ дали? Вѣдь панъ не скажетъ? Какой интересъ? Позвольте мнѣ, паночку, три рубля, а остальныя отдадите рэбэ Боруху. Когда благополучно перейдете, напишите на листикѣ одно слово: „хорошо". Тогда рэбэ Борухъ мнѣ заплатитъ.

Такъ мы и сдѣлали. Затѣмъ Борухъ предъявилъ счетъ: за ночлегъ — рубль, за самоварь — четвертакъ, еще четвертакъ и еще четвертакъ. Я хотѣлъ дать ему деньги, но онъ отдернулъ руку, поднялъ съ края стола скатерть и попросилъ туда положить деньги.

Затѣмъ комиссіонеръ по сахарной части галантно сталъ шаркать ногой, увѣряя, что его племянникъ здѣсь же перешелъ границу.

— Такой соціалистъ!... Первый соціалистъ!!... Перебѣжалъ границу и хоть бы вотъ что,—онъ показалъ на кончикъ мизинца. — Живетъ и теперь за границей и такъ живетъ, какъ дай Богъ каждому еврею...

Старикъ Борухъ принялся философствовать:

— Отчего человѣку плохо живется? Оттого, что онъ человѣкъ. Ему хочется все больше. Мало чего хочется? Если у меня сто рублей, а я захочу — милліонъ?... Отчего вы бѣжите за границу? Лейбце занимался этими дѣлами. Онъ поѣхалъ учиться на доктора. . Нехай учится, докторъ мало денегъ зарабатываетъ?... Докторъ пускай онъ и будетъ. Зачѣмъ ему быть политикомъ?... Политика не даетъ деньги. Что такое политика?... Одинъ говоритъ: „красный", а другой „синій", а я говорю—„бѣлый", а кто сказалъ правду?...

Дальнѣйшимъ логическимъ построеніямъ Боруха помѣшалъ Трофимъ, пригласившій насъ слѣдовать за собою.

— Подъ ручку, подъ ручку! — наставлялъ насъ Ицко.—Вышли себѣ погулять. Кому какое дѣло? Идетъ себѣ кавалеръ съ барышней гулять послѣ чая, зачѣмъ солдату трогать?

Мы пошли „подъ ручку“

— Идите за мной шаговъ на двадцать,—обернулся Трофимъ. Пройдя кривую, грязную улицу, посреди которой въ мусорѣ копошились дѣти, мы вышли на базарную площадь. Группа молодыхъ людей въ шелковыхъ капотахъ и шелковыхъ же картузахъ сидѣла на крылечкѣ дома и, завидя насъ, стала тыкать пальцами и вслухъ удивляться, откуда появились эти люди-гои, ходящіе по субботнимъ днямъ съ палками. Миновавъ площадь, мы свернули въ узкую улицу, упиравшуюся въ огромную казарму, нѣкогда служившую фортомъ, какъ потомъ мы узнали.

Трофимъ махнулъ рукой, чтобы мы шли, а самъ подошелъ къ бѣдно-одѣтой женщинѣ и вступилъ съ ней въ разговоръ. Мы прошли улицу и остановились, не зная, куда идти дальше... Простояли минуту, другую, а Трофима все нѣтъ. Наше пребываніе обратило на себя вниманіе: пожилой еврей съ женой, вышедшіе, должно быть, подышать свѣжимъ воздухомъ, остановились и стали насъ разсматривать. Къ нимъ подошла какая-то старуха, затѣмъ еще женщина, и скоро въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ стояла кучка народа, дѣлавшая на нашъ счетъ всевозможныя предположенія. Относительно цѣли нашей „прогулки“ никто, впрочемъ, не сомнѣвался; до насъ долетали отдѣльныя слова: „политика“, „жандармы“, „фрейлехе *) путешествіе“ и пр. въ этомъ духѣ. Главнымъ образомъ, зѣвакъ интересовалъ вопросъ, кто мы: евреи или гои.

— Еврей—и бритый! Въ субботу съ палкой! Навѣрное—русскій.

*) Веселое.

— Положимъ, — возражала старуха, — теперешніе евреи все равно, что гои. Бреетъ бороду!... А мало евреевъ свиней кушаютъ?...

Но появился Трофимъ. Онъ прошелъ мимо, бросилъ на-лету: „За бабой!“ и скрылся въ воротахъ желтаго дома. Изъ-за угла показалась женщина, которую мы видѣли на площади; она шла очень быстро и, когда поровнялась съ нами, шепнула:

— Ходить до мэнэ! Швiдко!

И опять мы пошли „подъ ручку“.

Обогнули казарму, спустились внизъ и двинулись вдоль рѣчки, мѣстами широкой, мѣстами такой узкой, что, хорошо разбѣжавшись, ее можно было перепрыгнуть.

Случайно оглянулся: въ окнѣ казармы торчитъ лицо и смотритъ намъ вслѣдъ. Но вотъ рѣчка повернула влѣво, скрылись казарма, мѣстечко, и передъ нами на возвышеніи запестрѣлъ рядъ домиковъ съ обѣихъ сторонъ рѣчки: это были наблюдательные посты русскихъ и австрійскихъ пограничниковъ.

Женщина обернулась, поманила насъ пальцемъ и взбѣжала по крылечку въ жалкую избушку, слѣдомъ за ней вошли и мы.

VI.

Болѣе бѣдной, нищенской избы мнѣ видѣть не доводилось. Ходить можно было только наклонивъ голову, въ противномъ случаѣ голова ударялась въ потолокъ. Одно окно выходило на востокъ, другое — на югъ, но такъ малы были они, что свѣтъ падалъ узкой полоской. Большая русская печь занимала половину комнаты. У стѣны стояла кровать, покрытая массой тряпья, на полу валялась груда мѣшковъ, ими завалена была и скамья, на которой возились дѣвочка лѣтъ семи-восьми и неимовѣрно-грязный мальчуганъ

лѣтъ четырехъ. Другой мальчикъ, которому можно было дать по виду и всѣ пятнадцать лѣтъ,—ему было, какъ мы потомъ узнали, всего двѣнадцать — при нашемъ появленіи выскочилъ на улицу.

Подъ окномъ, сгорбившись, сидѣлъ старый дѣдъ и, мурлыча въ носъ пѣсенку, чинилъ мѣшки.

Разрѣзавъ на тонкіе ломти половину принесеннаго чернаго хлѣба, женщина стала кормить дѣтей; тѣ съ жадностью, еле разжевывая, глотали куски тяжелой, плохо-выпеченной массы.

Въ ожиданіи Трофима, мы сѣли на скамью смотрѣть на то, что происходило на нашихъ глазахъ. Женщина достала изъ шкафчика картофель, почистила, помыла его и затопила печь; потомъ нарѣзала большую луковицу и положила ее на глиняную тарелку. Явился старшій мальчикъ, крѣпкій, краснощекій и, увидя хлѣбъ, сталъ радостно повторять:

— Хлібе! хлібе!

Онъ хотѣлъ взять кусокъ, но мать серьезно сказала:

— А мане́нькимъ?... Имъ дюжче тре́ба.

Мальчикъ опустилъ голову, усѣлся на кровать и сталъ смотрѣть въ полъ. Между тѣмъ, маленькій началъ плакать, прося „булки“; получивъ ломоть, онъ проглатывалъ его и опять начиналъ плакать.

— За́разъ, за́разъ, — утѣшала мать. — Вічіряты будемо... На-на, ішь!...

Утоливъ голодъ, маленькій легъ на кровать и заснулъ. Мать усѣлась передъ печкой на табуретѣ и стала жаловаться на свою судьбу. Когда-то они жили хорошо, мужъ работалъ на своихъ трехъ моргахъ, она занималась хозяйствомъ. Была корова, и молоко продавала въ мѣстечко. Но мужа взяли на военную службу, а тутъ родился ребенокъ... Отецъ ушелъ на службу сильнымъ и здоровымъ, а пришелъ домой желтымъ, худымъ и все жаловался на грудь. Онъ плохо понималъ военную науку, и его били, били всѣ: унтеры,

фельдфебель, билъ молодой офицеръ... Работать въ полѣ Стецъ уже не могъ и поступилъ на сахарный заводъ: о, Стецъ былъ добрымъ механикомъ! Тридцать рублей приносилъ онъ домой каждый мѣсяцъ, да пятьдесятъ одинъ рубль въ годъ давала аренда за землю, хорошо имъ жилось! А потомъ начались у Стеца лихорадки, грудь болѣла все больше, службу на заводѣ пришлось оставить... Съѣли сбереженія, продали корову, потомъ продали три морга, продали желѣзный сундукъ, платье... Стецъ харкалъ кровью. Плюнулъ въ руку—полна жме́ня крови! Такъ и померъ отъ кашля... Приходила знахарка, давала пить воду, былъ фельдшеръ... Да развѣ поможетъ человѣкъ, когда Богъ хочетъ наказать? Когда померъ мужъ, мане́нькому было всего годъ съ мѣсяцемъ. Стала ходить Ганна по домамъ работать, солнце на небо — она на работу, а домой придетъ — на небѣ звѣзды уже ходятъ. Платили за день по злотому *); кто платитъ и полтора, да такихъ было мало, и не каждый день была работа... Принялась Ганна за починку мѣшковъ; пятьдесятъ мѣшковъ — злотый, а сколько въ день успѣешь ихъ заштопать? Другой такъ разорванъ, что полчаса сидишь за нимъ; больше злотаго не заработаешь... Да хоть то хорошо, что дома сидишь, за дѣтьми глазъ, а то раньше уйдешь, а они, какъ блудные, по сосѣдямъ ходятъ... И такъ тяжко было, и не хотѣлось Ганнѣ, и много слезъ пролила, а все жъ пришлось Николу отдать на заводъ; два года работаетъ онъ тамъ, большую помощь приноситъ матери: два злотыхъ въ недѣлю деньги не очень большія для пановъ, а для бѣдныхъ!... На два злотыхъ хлѣба можно десять фунтовъ купить, на недѣлю хватитъ!

Фартухомъ Ганна вытирала слезы...

— Не растетъ Никола, на грудь все жалуется... Какъ началъ на заводъ ходить,—нѣту въ немъ роста..

---

*) Пятнадцать копеекъ.

Петру двѣнадцати нѣтъ еще, а онъ больше, крѣпче Николы... Бураки таскаетъ онъ на заводъ; навалятъ на него пудъ,—онъ несетъ... А не можетъ—бьютъ по тылицѣ, смѣются... А взять его съ завода никакъ невозможно, жить будетъ совсѣмъ тяжело... Расходъ большой: сорокъ копеекъ въ мѣсяцъ—аренда за хату, три копейки съ четвертью фунтъ хлѣба, это мы ѣдимъ его полтора фунта въ день, а чтобъ какъ слѣдуетъ, такъ его поѣдать такой семьѣ фунта четыре; надо и Николѣ дать на заводъ, надо и ему вѣдь ѣсть... Онъ тамъ цѣлый день, вотъ сейчасъ придетъ, уже звѣзды показываются... А Петра на работу никому не отдамъ, помру, а не отдамъ, пускай гуляетъ дома до пятнадцати годовъ... Вотъ и теперь Трофимъ говоритъ: „Дай мнѣ Петра. Нѣтъ у меня сыновъ, будетъ онъ мнѣ замѣсто сына, будетъ со мной работать, много денегъ принесетъ тебѣ“.. Это — съ Трофимомъ работать?... А какъ солдаты будутъ стрѣлять?... Мало народу убиваютъ они?... Другой разъ такъ стрѣляютъ такъ стрѣляютъ, что страшно дѣлается...

Пришелъ Никола. Перекрестился на образъ, не давъ намъ опомниться, поцѣловалъ въ плечо жену и меня, вынулъ изъ кармана тридцать копеекъ (суббота—день получки) и отдалъ матери. Онъ усѣлся на кровать, рядомъ съ Петромъ, и отечески сталъ гладить свернувшагося въ клубокъ маленькаго брата; тотъ проснулся, обхватилъ Николу ручонками и сталъ ласкаться...

Никола былъ, дѣйствительно, ниже ростомъ, блѣднѣе Петра и казался бы десятилѣтнимъ ребенкомъ, если бы не серьезный взглядъ и манеры взрослаго, самостоятельнаго человѣка.

Съ тихою, грустной улыбкой гладилъ онъ маленькаго, пѣлъ ему пѣсню и, когда тотъ заснулъ, всталъ съ кровати, зажегъ чадящій ночникъ и усѣлся на гору мѣшковъ на полу.

Вбѣжала одна дѣвочка, за ней другая, третья, откуда-то появилась засаленная колода картъ, и началась игра, въ которой дѣятельное участіе принялъ Петръ. Только Ганна сидѣла молчаливо у печи, да на мѣшкахъ, опустивъ на руки голову, въ неподвижной позѣ дремалъ Никола. Изрѣдка онъ поворачивалъ голову къ игрокамъ и шепталъ:

— Тссъ... Разбудите...—Игроки стихали, но черезъ нѣсколько секундъ въ лачужкѣ ужъ звенѣлъ молодой смѣхъ и слышались возгласы: „Козырь", „Дура" „Ноcа"...

То ли, что Никола старшій, или то, что онъ — работникъ, но—удивительное явленіе!—къ нему дѣти относились, какъ высшему въ домѣ авторитету, высшему, чѣмъ мать, которая продолжала сидѣть у печи и глядѣть на ярко пылавшую солому...

Вошелъ Трофимъ, завѣсилъ мѣшками окна и, сказавъ:

— Не ходите по горницѣ, сидите, солдаты ходятъ,— ушелъ...

Уже шелъ восьмой часъ. Сквозь „занавѣску" окна видна была луна, огни на той сторонѣ. Изрѣдка тяжелые шаги раздавались у домика, гулко отзывались на дребезжащихъ стеклахъ: это проходилъ дозорный пограничникъ... Время тянулось медленно, хотѣлось выскочить изъ хаты и броситься въ эту рѣчку, добраться до того берега, отдавшись на произволъ судьбы: только бы прекратилось мучительное ожиданіе...

Ганна вышла посмотрѣть, „что чуть" *), вернулась тотчасъ же и сообщила, что уже двое солдатъ идутъ. Мы усѣлись въ уголъ; одна томительная минута проходила за другой... Ганна вышла вторично и прибѣжала блѣдная и испуганная.

— А съ другой стороны идутъ солдатъ съ офицеромъ...

---

*) Что слышно.

Неужели это идутъ арестовать насъ?.. Продолжать ли оставаться здѣсь, въ хатѣ, или, пользуясь нѣсколькими секундами до прихода офицера, броситься въ рѣчку, довѣрившись судьбѣ?... Вѣдь не всякая пуля достанетъ!...

Забывъ приказаніе Трофима, Ганна приподняла мѣшокъ-занавѣску и прильнула къ окну:

— Еще стоятъ... Ой, лишечько, підъ окномъ!... Показываютъ на хату!... Ой, Царица Небесная, саблюку отвязываетъ!...—

Трудно сказать, сколько времени прошло въ наблюденіяхъ Ганны, но намъ это время казалось вѣчностью...

— Ушли, пошли по своимъ сторонамъ... Слава тебѣ, Господи!...

Ганна перекрестилась, задернула окно и пошла готовить столъ „вечéряты". Присмирѣвшія было дѣти вновь принялись за игру, зазвенѣлъ хохотъ, и опять послышалось: „Козыри", „Нóса". Мы ждали Трофима; время шло, а нашего контрабандиста все не было...

Порывисто открылась дверь, и отвратительное лицо, кривое на одинъ глазъ, просунулось внутрь, быстро оглянуло комнату, и, замѣтивъ двухъ постороннихъ, здоровый глазъ сталъ быстро вращаться...

— Панъ та пани, — закричала баба рѣзкимъ голосомъ.—Хто вонi?...

Двери захлопнулись, и кривая баба исчезла. Ганна выбѣжала за ней: на крылечкѣ шелъ оживленный споръ въ полголоса... Ганна насъ смутила:

— Денегъ требуетъ кривая... Не дадите— солдатъ обѣщала позвать...

— За что ей деньги—и сколько?

— Три рубля... А за то, чтобы она молчала...

Мы попросили позвать Трофима, изба котораго находилась очень близко.

— Трéба, трéба,—вздыхала Ганна.—Заразъ.

Трофимъ явился немедленно. Онъ ругательски ругалъ кривую „стерву", обѣщая переломать ей руки, ноги, выбить второй глазъ и непремѣнно завтра же повырывать ей „пáтлы". Трофима не то злило, что баба требуетъ вознагражденія за молчаніе, — а сумма, которую та заломила:

— Хоть бы четвертакъ, а то три-и рубля, а?! А чтобы ей свѣту Божьяго не видѣть! Чтобъ ей къ батькѣ своему, чорту полосатому, провалиться!

Надо было скорѣй уходить, такъ какъ кривая баба отправилась докладывать о насъ по начальству. Трофимъ на минуту удалился и, придя, попросилъ обѣщанный рубль.

— Переправьте раньше.

— Давайте сейчасъ, а то не поведу.

Ожидать можно было всего, Трофимъ говорилъ настойчиво и твердо. Получивъ рубль, контрабандистъ исчезъ, поманивъ за собой Ганну. Изъ-за рѣки раздался рѣзкій свистъ, простоялъ секунду въ воздухѣ и умеръ.

— Тсъ, идите!...—и въ отворенныя двери показалась голова Ганны.—Нагнитесь! Ниже, еще ниже!...

Чуть не ползкомъ слѣзли мы съ крыльца и доползли до рѣчки. Луна ярко сіяла и озаряла домики и далекую фигуру, стоявшую на возвышеніи.

Но вотъ пронесся долгій, переливчатый свистъ, что-то бухнуло въ воду, по водѣ пошли круги. Прямо передъ нами появились двѣ головы и мы услышали:

— Сидайте! Швідко!...

Мы вскочили на спины дюжихъ парней и тронулись въ Австрію. Вода доходила до пояса, а носильщикамъ— до шеи; тянуло холодомъ, сыростью, мы были мокры насквозь...

Я оглянулся въ ту сторону, гдѣ была Россія; у избушки стояли Ганна и Никола и кивали головами,

нѣсколько лѣвѣе — ясно вырисовывались фигура Трофима, „заговаривавшаго“ солдата... А наверху, налѣво, какъ стоглазое чудовище, сверкала казарма; свѣтъ изъ оконъ ея падалъ на воду, переливался и кружился въ тонкихъ струйкахъ, плывшихъ въ нашу сторону..-

— Годи, слазьте!... Тихо, шобъ е́гери ні чили ...

И опять, сгорбившись, доставая руками до земли, мы стали ползти за проводниками, ползти долго, спотыкались, опять ползли, пока не добрались до хаты...

Хата была большая, хорошо обставленная. У печи стояла старуха, а на скамьѣ подлѣ окна сидѣлъ здоровый дѣтина съ помутившимся взглядомъ и извлекалъ изъ „сопілки“ нестройные звуки.

Проводники остановились у входа, вытянули руки и отрубили:

— Давайте пять рублівъ!...

— За что?

— За переправу. Что несли черезъ рѣку.

— Деньги получилъ Ицко, онъ вамъ заплатитъ.

— Ицко сказалъ, панъ заплатитъ. Гро́ши!

Мы попали въ типичный разбойничій притонъ; при мнѣ не было никакого оружія, если не считать легкую железную палку... Парни наступали на насъ весьма угрожающе. Я прислонился къ стѣнѣ, взялъ на перевѣсъ палку, жена схватила лежавшій на столѣ ножъ,— и мы приготовились...

Увидя насъ въ позѣ обороняющихся отъ нападенія, парни остановились, соображая, съ какой стороны напасть удобнѣй...

— Ой, паночку,—зашамкала старуха,—дайте хлопцамъ два гульдена. Буде вамъ, хлопцы, мандруваты!..

Идіотъ поднялся съ лавки, вытянулъ руки и безсмысленно, нараспѣвъ залепеталъ:

— Панъ бумажки, панъ бумажки!... Хэ-хэ-хэ! У пана бо́гато бумажекъ!...

Я согласился уплатить два рубля, но чтобы чемоданы наши немедленно перенесли къ извозчику. Парни посовѣщались, подумали и сказали:

— Га́рно. А то панъ дюже скаженный...

Они подхватили чемоданы и потащили ихъ черезъ улицу. Старуха получила два рубля и внимательно осмотрѣла ихъ:

— Настоящи... Панъ можетъ теперь не сумлѣваться... Бувайте здоровенькі!

VII.

— Гэп, гэп!... Илько, а Илько!

— Кто тамъ? — послышался за дверью сильный голосъ.

— Москали до станціи...

— А-а-а!... За́разъ!...

Насъ ввели въ темную комнату. На просьбу зажечь огонь, Илько отвѣтилъ:

— Сидите въ темнотѣ, егерь увидитъ.

Оставаться въ темной комнатѣ съ грабителемъ было опасно; мы на себѣ испытали нравы контрабандистовъ, а теперь, достигнувъ почти цѣли, не хотѣлось рисковать ни кошелькомъ, ни тѣмъ паче жизнью. А это случается: былъ человѣкъ на границѣ—и пропалъ невѣдомо куда... Кто отыщетъ слѣды преступленія здѣсь, на пограничной линіи, гдѣ преступленіе—порядокъ жизни?

— Зажгите лампу, иначе мы уйдемъ...

— Куда пойдетъ панъ ночью?

— Въ шинокъ...

— Гэ-гэ, въ шинокъ... Тамъ е́гери требуютъ паспорта... Въ острогъ посадятъ, туточки цѣпи надѣваютъ на руки да на ноги...

Наше терпѣніе истощилось.

— Послѣдній разъ — зажгите лампу, не то мы уходимъ.

Илько, бурча въ носъ какое-то польское проклятіе, ушелъ въ другую комнату и принесъ оттуда лампу. Мы любовались при свѣтѣ огня рѣдкой красотой контрабандиста. Лицо у него было смуглое, худощавое, съ орлинымъ носомъ и гордымъ подбородкомъ. Съ широкаго лба нависала прядь густыхъ, черныхъ волосъ; она доходила до глазъ, быстрыхъ, сверкавшихъ, какъ молнія. Стройная фигура была стянута легкимъ, сшитымъ въ талію, кафтаномъ. Силой и безконечной энергіей вѣяло отъ всей этой фигуры.

Поставивъ на столъ ночникъ, Илько заявилъ, что мы ночуемъ у него.

— Это жъ почему?

— Подъ ніділю *) нельзя ѣздить.

— Нельзя, такъ нельзя. Мы пойдемъ въ шинокъ. Не достанемъ тамъ лошадей—въ шинкѣ заночуемъ.

— Ну и панъ!—пожималъ Илько плечами. — Подъ ніділю нѣтъ ѣзды. Съ насъ за то по пять рублей штрафу берутъ.

Было ясно, что Илько лжетъ... И „рубли“ въ Австріи, и штрафъ, и святость воскреснаго дня у контрабандистовъ казались неправдоподобными.

— А кто беретъ штрафъ?—полюбопытствовалъ я.

Илько замялся.

— Да берутъ. Такъ что гминъ беретъ.

Говорить долго не приходилось, и я спросилъ, сколько онъ возьметъ до станціи.

— Семь гульденовъ. — „Штрафъ въ пять рублей“ былъ изобрѣтенъ спеціально на тотъ предметъ, чтобы взять съ насъ возможно больше. Мы стали торговаться. Усталые, голодные, мечтавшіе о постели, а съ другой стороны — желавшіе скорѣй выбраться изъ этого проклятаго мѣста, мы скоро сошлись на четырехъ рубляхъ.

---

*) Воскресенье.

Илько пошелъ „вечерять“, затѣмъ поить „коней“, а мы сидѣли у окна и смотрѣли на русскую сторону. Виднѣлись огни мѣстечка, сіяла при лунномъ блескѣ вода рѣки да на самомъ верху, на горѣ, блистала огнями казарма; а внизу казармы стояли домишки, бѣдные дома со скрипучими крылечками...

Пара сытыхъ лошадей мчала насъ къ станціи.

— Молчите,—предупредилъ насъ Илько.—Сейчасъ пойдутъ австрійскіе егери. Мы шибко поѣдемъ.—Лошади быстро неслись, подгоняемые кнутомъ; одинъ за другимъ пробѣгали сторожевые дома, мы поднимались на гору, спускались внизъ, послѣдній подъемъ—и началась ровная степь.

Илько засмѣялся:

— Годи. Нема егерей.—Потомъ онъ ткнулъ пальцемъ вправо:—Тамъ москали. Заразъ не видно будетъ Россіи.

Въ сѣромъ туманѣ уплывала отъ насъ родина, одинъ огонекъ за другимъ исчезали, и скоро какъ бы потухъ огонь на горѣ. Мы смотрѣли все вправо: терялись контуры горы, все болѣе сѣрѣлъ туманъ, все дальше уплывала отъ насъ Россія...

Насъ охватила дрема, дремали лошади, предоставленныя самимъ себѣ, дремалъ и Илько... Но вотъ онъ скрутилъ цыгарку, чиркнулъ сѣрной спичкой... На секунду степь подлѣ насъ загорѣлась кровавымъ свѣтомъ; погасъ огонь... Илько усѣлся бокомъ на облучкѣ и запѣлъ.

Ее поютъ, эту пѣсню, тамъ далеко, „на русской сторонѣ“, подъ Полтавой и Черниговомъ, на Подоліи и на Волыни, въ Кіевщинѣ, — вездѣ, гдѣ слышится малорусская рѣчь,—поютъ и въ Галиціи.

Ровно и протяжно, какъ эта большая степь,—шла пѣснь о дівчінѣ... Она любила парня. Любилъ ее

парень. Но старый отецъ Марусеньки не хотѣлъ слушать о бѣдномъ Грыцькѣ.

И приходилъ Грыцъ ночью къ дому возлюбленной, и пѣлъ онъ ей пѣснь любви. Онъ звалъ ее къ себѣ, просилъ уйти съ нимъ на далекую сторону, умолялъ убѣжать къ чужимъ людямъ.

И плакала дівчіна, увѣряла парня въ любви... Но крѣпки были замки, нельзя было убѣжать изъ дому...

Но обманула дівчіна злого отца и ночью ушла на гору, гдѣ стоялъ млинъ. А у млина стоялъ Грыцъ и поджидалъ свое „сердце"...

И убѣжали они отъ отца и тамъ, на чужбинѣ, скрылись отъ злого старика...

И черезъ много лѣтъ пришли они на родное село: спалъ въ землѣ отецъ, давно умерла въ тоскѣ по дочери мать...

Съ низинъ тянуло сыростью... Густой туманъ поднимался и шелъ кверху. А надъ туманомъ плыла пѣсня любви. И вмѣстѣ съ туманомъ она шла въ Россію...

Нѣтъ огней сторожевыхъ постовъ, нѣтъ солдатъ, контрабандистовъ, ничего, ничего... Одна ровная степь въ туманѣ и пѣсни, не знающія границъ, не признающія паспортовъ и переходящія свободно изъ Россіи въ Австрію, изъ Австріи въ Россію.

„РОДНАЯ РѢЧЬ".

Изъ отзывовъ печати:

...Вышедшіе до сихъ поръ тридцать выпусковъ „Родной Рѣчи" представляютъ собою цѣлую библіотеку, прекрасно составленную и чрезвычайно разнообразную. Рядомъ съ произведеніями русскихъ классическихъ и современныхъ писателей, Л. Н. Толстого, Тургенева, Короленка, Чехова, Горькаго и др., мы находимъ немало популярно-научныхъ статей, главнымъ образомъ, по исторіи и соціологіи, а также и чисто-публицистическихъ, среди которыхъ особенно выдѣляется превосходная статья члена Госуд. Думы Шингарева „Земская и городская Россія". Принимая въ соображеніе крайне дешевую цѣну изданій „Родной Рѣчи", нельзя не признать ихъ и по внѣшности вполнѣ приличными...

(*Русское Слово*).

...Брошюрки московскаго книгоиздательства „Родная Рѣчь" невольно заставляютъ вспомнить далекую русскую „весну" 1904—5 годовъ, когда всюду, даже въ самой глухой провинціи, возникали издательства, ставившія себѣ цѣлью путемъ распространенія дешевыхъ изданій лучшихъ произведеній художественной литературы и популярныхъ брошюръ научнаго и публицистическаго содержанія „сѣять разумное, доброе, вѣчное". Судьба большинства этихъ издательствъ, какъ извѣстно, была весьма печальная. Имъ пришлось прекратить свою дѣятельность „по независящимъ обстоятельствамъ". Будемъ надѣяться, что „Родная Рѣчь" избѣгнетъ этой участи. Слишкомъ было бы жаль этого прекраснаго начинанія!...

(*День*).

...Очень интересна брошюра г-на Кабанова „Германская интеллигенція и война"; въ ней дается характеристика настроеній образованнаго общества Германіи, совершенно не соотвѣтствующая

тому, что намъ приходится читать изо дня въ день въ нашей печати и газетахъ нашихъ союзниковъ,—но именно потому останавливающая на себѣ вниманіе и заставляющая задуматься.

(*Современный Міръ*).

...Цѣлый рядъ брошюръ издательства посвященъ Германіи, ея культурѣ, исторіи, промышленности и пр. Редакція очевидно руководится соображеніемъ, что невозможно съ успѣхомъ бороться противъ врага, котораго не знаешь. Такую точку зрѣнія нельзя не признать глубоко-справедливой...

(*Русская Мысль*).

...Отъ души желаемъ брошюрамъ „Родной Рѣчи" самаго широкаго распространенія. Вотъ чѣмъ слѣдовало бы утолить „книжный голодъ" нашихъ солдатъ и, главное, раненыхъ и выздоравливающихъ въ лазаретахъ...

(*Биржевыя Вѣдомости*).

...Выдѣляется рядъ брошюръ, посвященныхъ Англіи. Всѣ онѣ относятся къ нашей союзницѣ болѣе или менѣе отрицательно. До сихъ поръ такое отношеніе приходилось встрѣчать главнымъ образомъ въ средѣ „истинно-русскихъ" людей; но, оказывается, что и точка зрѣнія истиннаго (не буржуазно-кадетскаго) демократизма не исключаетъ строгой критики англійскихъ порядковъ и англійской политики въ прошломъ и настоящемъ. Любопытно, что наиболѣе спокойная и объективная статья объ Англіи написана нѣмецкимъ авторомъ—профессоромъ берлинскаго университета Ястро...

(*Русскія Записки*).

...Беллетристическій отдѣлъ составленъ превосходно. Тутъ и Толстой, и Тургеневъ, и Чеховъ, и Горькій, и Андреевъ, и Короленко, и Купринъ, и даже—представьте себѣ—милый, старый дѣдушка Крыловъ! Читаешь выбранныя редакціей „сорокъ басенъ", большинство которыхъ знакомо намъ еще съ школьной скамьи, и удивляешься ихъ „современности". Вотъ у кого бы слѣдовало поучиться нашимъ фельетонистамъ...

(*Раннее Утро*).

Тип. „Родная Рѣчь", МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.

47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему?—Фейга 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ 8 к.
50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ.—Валя.—Баргамотъ и Гараська . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы. . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки. . . . 6 к.
60. Л. Толстой. Народныя легенды. . . . . . . 8 к.
61. К. Петровъ, Ирландія. . . . . 8 к
62. А. Чеховъ, Мужики. . . . . 6 к.
63. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Переводы В. А. Жуковскаго, М. Ю. Лермонтова, гр. А. К. Толстого. . . . . 8 к.
64. П. Р—ъ, Изъ дневника человѣка безъ паспорта. 8 к.

Печатаются:

65. В. Короленко, Морозъ. — Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.
66. Ф. Артемьевъ, Страхованіе рабочихъ въ Германіи.
67. А. Зиновьевъ, Изъ исторіи русскаго государства.

Тип. „Родная Рѣчь" МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.

